

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет)»
Институт «Юридический»
Кафедра «Уголовного процесса, криминалистики и судебная экспертиза»

ДОПУСТИТЬ К ЗАЩИТЕ
Заведующий кафедрой
д.ю.н., профессор
_____С.М. Даровских
_____2017 г.

«Принцип языка уголовного судопроизводства»

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА
ФГАОУ ВО «ЮУрГУ (НИУ)» – 40.03.01.2017.537. ВКР

Руководитель работы
к.ю.н., доцент
_____А.В. Кочетова
_____2017 г.

Автор работы
студент группы Ю-537
_____А.Р. Галимурзин
_____2017 г.

Нормоконтролер,
_____В.В. Гончаренко
_____2017 г.

Челябинск, 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	7
ГЛАВА I ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРИНЦИПА ЯЗЫКА УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА	
1.1 Понятие, сущность, классификации и роль принципов уголовного судопроизводства.....	10
1.2 Язык судопроизводства как принцип российского уголовного процессуального права.....	17
ГЛАВА II РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА ЯЗЫКА УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА	
2.1 Реализация принципа языка судопроизводства на досудебных стадиях уголовного процесса.....	26
2.2 Реализация принципа языка судопроизводства на стадиях судебного производства.....	31
2.3 Язык и стиль приговора как одного из основополагающих документов уголовного процесса.....	44
ГЛАВА III МЕЖДУНАРОДНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ПРАКТИКА ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА ЯЗЫКА УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА.....	52
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	69
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК.....	74

ВВЕДЕНИЕ

Принципы уголовного судопроизводства представляют собой закрепленные в уголовном процессуальном законодательстве основополагающие правовые идеи, определяющие построение всего уголовного процесса, его сущность, характер и демократизм. Они составляют базу, фундамент всего уголовного процесса.

Согласно ч. 1 и ч. 2 ст. 68 Конституции РФ государственным языком Российской Федерации на всей ее территории является русский язык, однако республики вправе устанавливать свои государственные языки, которые используются в судебной системе, органах государственной власти, при ведении делопроизводства наряду с государственным языком России. Основываясь на конституционном положении, ч. 1 ст. 18 УПК формулирует принцип языка уголовного судопроизводства, согласно которому уголовное судопроизводство ведется на русском языке, а также на государственных языках, входящих в Российскую Федерацию республик.

Актуальность работы обусловлена тем, что в современной юридической литературе накоплено большое количество трудов, посвященных природе принципов судопроизводства, характеристике принципов уголовного процесса, но относительно небольшое количество работ посвящено проблеме реализации принципа языка судопроизводства. Несмотря на кажущуюся простоту применения этого принципа в процессе и его малозначительность, данный принцип по праву считается одним из фундаментальных принципов уголовного судопроизводства. Принцип обеспечения каждому пользования родным языком при осуществлении правосудия выражает демократизм действующего законодательства и государства и определяет решение таких важных вопросов осуществления правосудия, как доступность суда для населения, обеспечение возможности осуществления прав участниками процесса. Если процесс ведется на языке, непонятном населению, нарушается и затрудняется связь суда с населением,

а также ослабляется или вообще не достигается воспитательное назначение судебного разбирательства; участвующие в процессе лица не могут реализовать предоставленные им законом процессуальные права, активно способствовать осуществлению правосудия.

Объектом исследования являются общественные отношения, связанные с реализацией принципа языка судопроизводства.

Предметом исследования являются нормы действующего российского законодательства, в которых прямо или косвенно отражаются те или иные аспекты применения и соблюдения принципа языка судопроизводства.

Целью исследования является анализ механизма реализации принципа языка уголовного судопроизводства для последующего адекватного и грамотного применения его на практике.

Задачами исследования выступают: рассмотрение принципа языка уголовного судопроизводства в контексте уголовно-процессуальных принципов; определение понятия и сущности принципа языка уголовного судопроизводства; рассмотрение механизма применения и соблюдения принципа языка уголовного судопроизводства на досудебных и судебных стадиях, изучение международного законодательства, регламентирующего правила применения принципа языка уголовного судопроизводства.

При написании работы научную основу составили труды таких специалистов в сфере реализации принципа языка уголовного судопроизводства как Абдуллаев Н.Т., Громов Н.А., Кузнецов О.Ю., Мамаева Р.О., Щерба С.П. и др.

Правовой базой при написании работы стали нормативные акты международного и национального значения: Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств; Конвенция о защите прав человека и основных свобод; Рамочная Конвенция о защите национальных меньшинств; Конституция Российской Федерации; Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации»; Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации.

Методологической основой исследования послужили методы анализа и синтеза, системно-структурный и формально-логический, а также сравнительно-правовой метод.

Структурно работа состоит из трех глав, поделенных на параграфы и раскрывающих основные положения принципа языка уголовного судопроизводства, введения, заключения, списка используемой литературы

ГЛАВА I ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРИНЦИПА ЯЗЫКА УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

1.1 Понятие, сущность, классификации и роль принципов уголовного судопроизводства

В уголовном судопроизводстве принципы занимают главенствующее положение, представляя собой основные начала, определяющие характер уголовного процесса. Глава 2 Уголовно-процессуального кодекса (далее УПК РФ)¹ закрепляет систему принципов уголовного судопроизводства и устанавливает основное назначение уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ), заключающееся в защите прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений; защите личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод.

«Принцип» (от латинского «*principium*» — начало, основа) означает основное, исходное положение какой-либо теории, учения, мировоззрения, теоретической программы², т.е. «главная идея, ключевая мысль, руководящее положение, которое должно быть применено, использовано или соблюдено в определенной сфере человеческой деятельности»³.

В юридической литературе понятие принципов уголовного судопроизводства долгое время являлось предметом научных дискуссий, поскольку вплоть до настоящего времени не существует легального определения данного термина. Отсутствие законодательного определения породило также множество других спорных моментов и неоднозначных мнений как теоретиков, так и практикующих юристов.

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 19.12.2016) // Собрание законодательства РФ. – 24.12.2001. – 52 (ч. I). – Ст. 4921.

² Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова; М., 2000. – С. 595.

³ Ткачева, В.Н. Меры пресечения, не связанные с заключением под стражу, в уголовном процессе России. Челябинск, 2004. – С. 60.

Одним из противоречивых аспектов является способ закрепления принципов уголовного процессуального права. По данному вопросу в юридической литературе сложилось три основных подхода.

Сторонники первого подхода придерживаются теории формально-юридического понимания и трактовки принципов уголовного процесса. Основной идеей этого подхода является утверждение о том, что не может являться принципом судопроизводства такое положение, которое не закреплено в законе в качестве общепризнанного и санкционированного государством, поскольку «провозглашение того или иного положения принципом уголовного процесса отражает выбор законодателя между различными формами судопроизводства»¹.

Сторонники другого подхода полагают, что принципы могут быть прямо не закреплены в законе, а вытекать из толкования других правовых норм. М.С. Строгович считал, что «принципы процесса — это не только действующие процессуальные нормы, это, прежде всего, правовые идеи...»². Также Т.Н. Добровольская разделяет представленную позицию и полагает, что различные приемы законодательного закрепления принципов не влияют на признание или непризнание того или иного принципа в качестве основного начала уголовного судопроизводства, поскольку принципы права существуют объективно и не зависят от воли и желания отдельных лиц³. В.Т. Томин, также разделяющий данную точку зрения, указывал на первичность принципов уголовного судопроизводства и вторичную роль их законодательного закрепления⁴.

Закрепление принципов уголовного судопроизводства в законе есть лишь внешнее свойство принципов, не имеющее определяющего значения при реализации и применении принципов уголовного процесса.

¹ Михайловская, И.Б. Цели, функции и принципы российского уголовного судопроизводства (уголовно-процессуальная форма). М., 2003. — С. 114.

² Строгович, М.С. Курс советского уголовного процесса. М., 1958. — С. 123.

³ Добровольская, Т.Н. Принципы советского уголовного процесса. М., 1971. — С. 17, 33.

⁴ Якупов, Р.Х. Уголовный процесс: учеб. для вузов. М., 1999. — С. 193-195.

Некоторые авторы занимают третью позицию по данному вопросу, придерживаясь мнения о принципах уголовного процесса либо как о принципах самой отрасли права, либо как о принципах уголовно-процессуальной науки. Ключевой идеей сторонников этого подхода является положение о том, что принципы уголовного процесса как отрасли права должны иметь объективированное выражение и, следовательно, должны быть закреплены в законе. Принципы уголовного процессуального права как науки являются мнениями ученых, а также они могут вытекать из системного толкования норм права. Так, О.В. Логунов указывает, что «в теоретическом смысле правовые принципы — это основополагающие идеи, вытекающие из смысла соответствующих отраслей права и законодательства. Эти принципы могут совпадать и не совпадать с принципами, закрепленными в конкретных нормативных актах»¹. Также автор утверждает, что для правоприменения имеют значение только те принципы, которые непосредственно закреплены в законе в качестве принципов уголовного судопроизводства.

Наиболее обоснованной нам представляется первая точка зрения, предполагающая наличие закрепленных в законе принципов уголовного судопроизводства в качестве основных начал уголовного процесса. На наш взгляд, для того, чтобы принципы уголовного процесса имели такие свойства как общеобязательность и формальная определенность — они должны иметь текстуальное закрепление. Без нормативного закрепления наука не сможет дать однозначный обоснованный ответ на вопрос, почему именно определенное положение имеет статус принципа². Н.А. Чечина справедливо утверждает, что «правовой принцип как руководящая идея отличается от научных и философских принципов тем, что всегда и непременно находит свое конкретное выражение в норме или нормах права, идея, не

¹ Логунов, О.В. Система принципов современного российского уголовного судопроизводства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2004. — С. 7.

² Рыбинская, Е.Т. О понятии принципов уголовного процесса // Известия Иркутской государственной экономической академии. — 2012. — № 6. — С. 109.

зафиксированная нормой права, не может стать правовым принципом»¹. Иная позиция, признающая в качестве принципов права любые начала, установленные доктриной уголовного права, приведет к произвольному, зависимому от субъекта признанию тех или иных принципов в качестве права. В иерархии общеправовых норм, в том числе и норм уголовно-процессуального права, принципы имеют приоритетное значение.

Если же принципам придается более высокая юридическая сила, чем иным уголовно-процессуальным нормам, в результате чего допускается возможность их применять при пробелах в законодательстве, следовательно, нормативное закрепление таких положений, именно в качестве принципов уголовного процесса, просто необходимо. Иначе, отсутствие критериев, позволяющих определить, какое из положений уголовно-процессуального закона имеет принципиальное значение, приведет к невозможности установления четкой иерархии правовых норм и, как следствие, к отсутствию единства в практике их применения².

Другим спорным вопросом касательно принципов уголовного процесса является сфера их действия. По данному вопросу существуют две позиции.

Согласно первой позиции, основное значение принципы уголовного процесса имеют непосредственно на стадии судебного разбирательства. На досудебных стадиях уголовно-процессуальные принципы не имеют большого практического применения³. Принимая за основу представленную позицию, существует риск смешения понятия «принцип уголовного судопроизводства» и «общие условия судебного разбирательства». Последние относятся только к судебным стадиям уголовного процесса и выделены законодательством в самостоятельную главу Уголовно-процессуального кодекса (глава 35 УПК РФ).

¹ Chechina, N.A. Printsipy sovetskogo grazhdanskogo protsessual'nogo prava i ikh normativnoe zakreple-nie // Pravovedenie. – 1960. – № 3. – P. 78.

² Рыбинская, Е.Т. Указ.соч. – С. 109.

³ Громов, Н.А. Понятие принципов уголовного процесса и их система // Следователь. – 2000. – № 8. – С. 25. Лубшев, Ю.Ф. Адвокат в уголовном деле: учеб. М., 1999. – С. 157.

Вторая позиция заключается в признании принципов уголовного процесса в качестве основных начал как судебного, так и досудебного судопроизводства¹. Данная позиция представляется нам наиболее адекватной и соответствующей широкому пониманию уголовного процесса, включающего в себя досудебное и судебное производство по уголовным делам.

Принципы уголовного процесса – это, в первую очередь, основные положения, характеризующие уголовный процесс в целом, включая процессуальный статус субъектов и участников правоотношений, стадии судопроизводства, институты уголовного процессуального права. «Принципы имеют подчиненный характер по отношению к целям процесса. Это промежуточное звено между задачами, которыми определяется уголовно-процессуальная деятельность, с одной стороны, и конкретными нормами, регулирующими порядок этой деятельности, с другой²».

Также в юридической литературе обсуждается вопрос о возможности и целесообразности классификации принципов уголовного процесса.

Н.Н. Полянский утверждал, что все процессуальные принципы делятся на: а) принципы процесса, указанные в Конституции, которые в свою очередь делились на принципы общие для судоустройства и собственно процессуальные принципы; б) все остальные, т.е. принципы, не названные в Конституции³. Однако И.В. Тыричев утверждал, что деление принципов на конституционные и неконституционные – не имеет научной и практической ценности. По существу все принципы уголовного процесса представляют собой принципы конституционного значения. Любая попытка оспорить правовую ценность основных начал, установить иерархию принципов

¹ Выдря, М.М., Иванов, В.А., Крылов, И.Ф. и др. Рец. на: Курс советского уголовного процесса М.С. Строговича // Правоведение. – 1960. – № 1. – С. 154.

² Кайгородов, А.А. Соотношение понятий принципов уголовного процесса и общих условий судебного разбирательства // Вестник Томского государственного университета. – 2011. – № 342. – С. 132.

³ Полянский, Н.Н. Вопросы теории советского уголовного процесса / Под ред. Д.С. Карева, М.: Изд-во Моск. ун-та, 1956. – С. 84.

обречена на провал. «Все принципы уголовного судопроизводства являются выражением общеправовых принципов, закрепленных в Конституции, и ни один из них не группирует вокруг себя другие принципы правосудия и не подчиняет их себе¹».

Принципы правосудия делятся на процессуальные и судоустройственные. Процессуальные принципы – это принципы деятельности суда, прокуратуры, органов следствия и дознания, они определяют характер и направление расследования и разбирательства уголовных дел. Принципы же судоустройства – это принципы организационные, они определяют построение судебной системы, взаимосвязь всех звеньев судебной системы. «Иначе говоря, принципы судоустройства – принципы организационные, а принципы процесса – принципы функциональные»².

В зависимости от способа выражения все принципы делят на:

– принципы, закрепленные в Конституции РФ и/или в федеральных конституционных законах РФ. Данные положения, поскольку они имеют существенное, основополагающее значение для уголовного судопроизводства, будут являться принципами уголовного процесса вне зависимости от того, включены ли они в гл. 2 УПК РФ (например, принцип определения и указания своей национальной принадлежности; принцип защиты материнства и детства; принцип охраны здоровья и получения медицинской помощи и др.);

– принципы, прямо закрепленные в гл. 2 УПК РФ (например, принцип законности; независимости судей; осуществления правосудия только судом; уважения чести и достоинства личности; состязательности сторон; свободной оценки доказательств и др.);

– принципы, не записанные ни в Конституции РФ, ни в федеральных конституционных законах РФ и не закрепленные в гл. 2 УПК РФ, но

¹ Тыричев, И.В. Советский уголовный процесс. М.: Юрид. лит., 1980. – С. 325.

² Строгович, М.С. Курс советского уголовного процесса. М.: Наука, 1968. – Т. I. – С. 124.

вытекающие из анализа содержания других норм УПК РФ¹ (например, право граждан на защиту. При указании перечня принципа в Уголовно-процессуальном кодексе законодатель указывает лишь право подозреваемого, обвиняемого на защиту, однако защитой со стороны государства пользуются и иные участники уголовного судопроизводства, в частности, потерпевший, свидетели, гражданский истец и гражданский ответчик и др.).

Также исходя из системного толкования уголовно-процессуального кодекса можно обозначить следующую классификацию принципов уголовного судопроизводства:

- 1) общепроцессуальные принципы, распространяющиеся на все стадии уголовного судопроизводства;
- 2) принципы досудебного/ судебного производства;
- 3) принципы, имеющие отношение к каждой конкретной стадии судопроизводства. Чаще всего они именуется в качестве «основных начала»

Некоторые принципы, с научной точки зрения, имеют спорную природу. Так, например, принцип гласности, закрепленный в качестве общих условий судебного разбирательства, с позиции некоторых теоретиков уголовно-процессуального права, имеет больше общего с основными началами уголовного судопроизводства². Также считается, что принцип состязательности в полной мере реализуется лишь на стадии судебного разбирательства, а в рамках досудебного производства можно обнаружить лишь некоторые элементы этого принципа³.

¹ Кайгородов, А.А. Указ. соч. – С. 133-134.

² Володина, А.Н. Гласность в уголовном судопроизводстве: закон, теория, практика // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. – 2009. – № 2. – С. 225-226. Вандышев, В.В. Уголовный процесс. Курс лекций. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. – С. 70. Уголовный процесс России: Общая часть. Учебник / Под ред. В.З. Лукашевича. СПб.: Издательский дом СПбГУ, 2004. С. 128-129.

³ Тушев, А. Роль прокурора в реализации состязательности.// Российская юстиция. – 2003. – №4. – С. 33. Строгович, М.С. Курс советского уголовного процесса. – М., 1968. – Т. 1 –

Принципы уголовного процесса взаимосвязаны, реализация одного из них связана с реализацией другого. Совокупность принципов представляет собой стройную и единую систему.

Принципы уголовного судопроизводства являются краеугольным камнем, основным звеном, фундаментом уголовно-процессуального законодательства. Остальные процессуальные нормы находятся в подчиненном положении, относительно принципов уголовного судопроизводства. Принципам права отведена особая роль, поскольку они имеют свое практическое применение в случае обнаружения пробелов в праве, при коллизии правовых норм.

На основании изложенных нами свойств, характеристик принципов можно вывести основные признаки принципов уголовного процесса:

- имеют закрепление в качестве принципов в нормах уголовно-процессуального законодательства;
- являются основополагающими и определяющими для уголовного судопроизводства;
- наполнены самостоятельным содержанием, раскрывающим сущность каждого конкретного принципа;
- занимают приоритетное положение в иерархии уголовно-процессуальных норма.

Таким образом, можно сформулировать определение принципов уголовного процесса как общеобязательных фундаментальных положений уголовного процесса, санкционированных государством и закрепленных в тексте УПК РФ в качестве основных начал уголовного процесса, имеющие приоритетное значение в иерархии норм уголовно-процессуального права, а также определяющие содержание и сущность, характер и основы уголовно-процессуальной деятельности.

1.2 Язык судопроизводства как принцип российского уголовного процессуального права

Язык судопроизводства представляет собой одну из важнейших основ организации и деятельности судебной системы Российской Федерации. Во время отправления правосудия неизбежно происходит акт межличностного взаимодействия, проявляющийся в устной или письменной коммуникации людей, являющихся участниками уголовного судопроизводства. Вследствие этого принципиально значимым и важным является законодательное регулирование правил коммуникации в целях обеспечения равных прав и возможностей участников судопроизводства, а также для реализации и защиты их прав и законных интересов.

«Фактически следует говорить о гуманитарном содержании нормативного определения и законодательного закрепления языка судопроизводства, направленных, как представляется, не столько на организацию государственной деятельности в сфере правосудия, сколько на структурирование социального взаимодействия (межличностного, внутригруппового и межгруппового) в рамках этой сферы. Иными словами, законодательная дефиниция «язык судопроизводства» служит для определения скорее лингвистических, нежели нормативных правил организации правосудия (включая делопроизводство), т.е. правил, находящихся вне юридической плоскости и относящихся к области языкознания и смежных с ней наук - антропологии, этнографии, этнологии¹».

Законодательное закрепление принципа языка судопроизводства содержится в Конституции Российской Федерации. Так ст.68 Конституции России устанавливает, что государственным языком является русский язык, в

¹ Кузнецов, О.Ю. Понятие язык судопроизводства в системе российского процессуального законодательства // Современное право. – 2005. – №4. – С. 48-49.

то же время оставляя за республиками право устанавливать свои государственные языки, которые могут употребляться наряду с государственным языком России в органах государственной власти, органах местного самоуправления, государственных учреждениях республик. Предусматривая право на использование национального языка, Основной закон также гарантирует всем ее народам право на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития¹.

Также указание на язык судопроизводства содержится в ст. 10 Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации». Указанная статья содержит положение о том, что судопроизводство и делопроизводство в Конституционном Суде Российской Федерации, Верховном Суде Российской Федерации, арбитражных судах, военных судах ведутся на русском языке, являющимся государственным языком в России. Судопроизводство и делопроизводство в других федеральных судах общей юрисдикции могут вестись также на государственном языке республики, на территории которой находится суд. Судопроизводство и делопроизводство у мировых судей и в других судах субъектов Российской Федерации ведутся на русском языке либо на государственном языке республики, на территории которой находится суд. Лицам, участвующим в деле, но владеющим языком судопроизводства, предоставляется законом право выступать и давать объяснения на родном языке либо на любом свободно избранном языке общения, а также пользоваться услугами переводчика².

Статья 18 Уголовно-процессуального кодекса также закрепляет в качестве одного из базовых принципов уголовного судопроизводства принцип ведения судопроизводства на русском языке, а также на одном из

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Собрание законодательства РФ. – 04.08.2014. – № 31. – Ст. 4398.

² Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 06.01.1997. – № 1. – Ст. 1.

государственных языков республик¹. Участникам уголовного судопроизводства, не владеющим или в достаточной степени не обладающим знаниями государственного языка или языка республики Российской Федерации, должно быть разъяснено и обеспечено право делать заявления, давать объяснения и показания, заявлять ходатайства, приносить жалобы, знакомиться с материалами уголовного дела, выступать в суде на родном языке или другом языке, которым они владеют, а также бесплатно пользоваться помощью переводчика. Все процессуальные документы, подлежащие вручению подозреваемому, обвиняемому или другим участникам уголовного судопроизводства должны быть переведены на родной язык соответствующего участника уголовного судопроизводства или на язык, которым он владеет.

Таким образом, на федеральном уровне законодательство в полной мере закрепляет, гарантирует и защищает право граждан на использование родного языка. Кроме того, устанавливая возможность использования родного языка в рамках судопроизводства, законодатель гарантирует обеспечение каждого участника судопроизводства переводчиком. Не случайно переводчику посвящены специальные статьи в разделе II УПК (ст. 59) об участниках уголовного судопроизводства, а также в главах о предварительном следствии (ст.169) и судебном разбирательстве (ст. 263).

Нарушением процессуального законодательства считается невыполнение судом обязанности по разъяснению обеспечить участвующим в деле лицам право делать заявления, давать объяснения и показания, заявлять ходатайства, подавать жалобы и выступать в суде на родном языке или другом языке, которым они владеют, а также пользоваться услугами переводчика. Такое положение нашло свое отражение в Постановлении Пленума Верховного Суда, разъяснения которого обладают юридической

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 24.12.2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.

силой и должны применяться судами при разрешении дел¹. Несоблюдение судьей, рассматривающим дело, правовых предписаний в части обеспечения каждому участнику право на использование переводчика, влечет за собой отмену приговора. Так, отменен приговор Верховного суда Республики Татарстан по делу Яруллиной, осужденной за подстрекательство на умышленное убийство мужа Яруллина, в связи с нарушением требований ст. 17 УПК РСФСР, выразившимся в том, что ей вручена копия обвинительного заключения на русском языке, хотя в ходе предварительного следствия было установлено, что она не владеет русским языком, и решено обеспечить Яруллину переводчиком. Аналогичные ошибки допустил Верховный суд Республики Ингушетия по делу Баракиева, Камурзоева и Борчашвили, обвиняемых в разбойных нападениях и ряде других преступлений. Как видно из материалов дела, Борчашвили русским языком, на котором велось судопроизводство, не владеет. Несмотря на это, копия обвинительного заключения в переводе на язык, которым Борчашвили владеет, ему не вручалась².

Принцип обеспечения каждому участнику судебного процесса права пользоваться родным языком при осуществлении правосудия свидетельствует о демократичном характере действующего законодательства. Применение данного принципа способствует укреплению доверия населения к судебной системе и системе государственных органов в целом, благоприятно сказывается на открытости и доступности судебной системы, способствует реализации права каждого гражданина на судебную защиту своих законных интересов.

Возможно также выделить признаки, рассматриваемого нами принципа языка судопроизводства.

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 1996. – № 2. – С.1.

² Обзор судебной практики Верховного Суда РФ «Обзор кассационной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации за 1997 год» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1998. – № 11.

Во-первых, конституционная определенность и закреплённость. Именно Конституцией Российской Федерации русский язык закрепляется в качестве государственного и официального. Возможность использования в рамках уголовного судопроизводства языка республики также является закреплённым законодателем положением. Правом иметь региональный государственный язык наделены не все субъекты Российской Федерации, а только республики, обладающие правом иметь Конституцию в качестве основного закона субъекта.

Во-вторых, качественным признаком языка судопроизводства является то, что языком уголовного процесса может быть государственный язык или язык республики Российской Федерации. Это означает, что никакой другой местный язык, диалект или язык этнического меньшинства не обладает таким статусом.

В контексте принципа языка уголовного судопроизводства небезынтересным представляется рассмотрение вопроса о возможности использования категории «национальный язык судопроизводства». Этот термин вошел в понятийный аппарат юридической науки в 70-х гг. XX столетия и до сих пор используется в научной литературе, несмотря на некую противоречивость и неоднозначность его толкования. Первым, кто обосновал и ввел в научный оборот понятие «национальный язык судопроизводства», был Н.А. Абдуллаев¹. Указанный термин устоялся в советской юридической науке и после этого был воспринят российской правовой доктриной.

Однако в системе современного российского права термину «национальный язык судопроизводства» нет места в силу нескольких причин. Во-первых, понятию «национальная принадлежность» как социальному явлению на смену пришло понятие «национальная идентичность», напрямую зависящее от субъективной воли каждого

¹ Абдуллаев, Н.А. Принцип национального языка производства по делу в советском уголовном процессе: Дис... канд. юрид. наук. Душанбе: Киргизский гос. ун-т, 1970. – С. 56.

отдельно взятого человека и тесным образом связанное с термином «самоопределение». Во-вторых, определение и обозначение собственной национальной и этнической идентичности является субъективным правом каждого гражданина и никак не связано с содержанием публично-властных отношений. Именно поэтому язык судопроизводства, закрепленный в качестве принципа в российском законодательстве, с юридической точки зрения не имеет ничего общего с языком межличностного общения, избираемого людьми по собственному желанию. Из этого следует, что речь может идти только о государственном, но не «национальном» языке судопроизводства.

Анализируя положения российского законодательства, можно сделать вывод об императивно-диспозитивном характере принципа языка судопроизводства. Фактически государственные языки республик имеют ограниченную сферу применения. Повсеместно используемым языком судопроизводства является государственный язык Российской Федерации.

Так, принцип языка судопроизводства регламентирует универсальное, законодательно закрепленное правило об официальном языке, на котором ведется производство по уголовному делу в РФ как в досудебных, так и в судебных стадиях процесса. Принципиальное значение языка производства кроется также особом статусе этого принципа, закладывающего основы межличностного и межкультурного взаимодействия участников судопроизводства. Настоящий принцип обеспечивает доступность правоохранительных органов, в том числе суда для населения, возможность реального осуществления процессуальных прав всеми участниками процесса, воспитательного воздействия судопроизводства. Следует также учитывать и такой фактор большого политического значения, как многонациональный состав РФ. Государство гарантирует всем народам нашей страны право на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития. Равноправие народов проявляется в равных правах на национальное развитие, развитие национальной культуры, языка, на

пользование им. Значение принципа государственного языка судопроизводства заключается и в том, что он является необходимым условием реального обеспечения другого демократического начала - гласности судопроизводства.

В отношении права выбирать язык общения в уголовном судопроизводстве следует отметить, что здесь речь идет о процессуальном правовом средстве, с помощью которого участник уголовного судопроизводства реализует свою возможность пользоваться родным или другим языком, которым владеет. Основанием для использования данного права является невладение или недостаточное владение языком судопроизводства¹. В случае, когда участник уголовного судопроизводства не владеет официальным языком, на котором ведется производство по делу, то он вправе делать заявления, давать объяснения и показания, заявлять ходатайства, приносить жалобы, знакомиться с материалами дела и выступать в суде на родном языке или на языке, которым он владеет. Также со стороны государства в таком случае возникает обязанность обеспечить такого участника переводчиком.

Делая вывод по первой главе можно отметить, что принцип языка судопроизводства является основным началом уголовно-процессуального законодательства. Само понятие «принципы права» не имеет своего законодательного закрепления, в связи с чем нами было предложено авторское определение указанного понятия. Принципы уголовного процесса – это общеобязательные фундаментальные положения уголовного процесса, санкционированные государством и закрепленных в тексте Уголовно-процессуального кодекса РФ в качестве основных начал уголовного процесса, имеющие приоритетное значение в иерархии норм уголовного процессуального права, а также определяющие содержание и сущность,

¹ Яковлев, М.М., Корякина З.И. язык национального уголовного судопроизводства // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. – 2014. – № 2. – Т. 11. – С. 106.

характер и основы уголовно-процессуальной деятельности. Основное предназначение принципов – являться руководящим началом, в случае возникновения пробелов или коллизий в праве. Немаловажную роль играет текстуальное закрепление принципов и государственное санкционирование. Принципы уголовно-процессуального права будут считаться таковыми и иметь практическое применение только в случае законодательного закрепления. Принципы уголовного процесса распространяются как на стадию судебного разбирательства, так и на досудебное производство.

Принцип языка судопроизводства помимо закрепления непосредственно в уголовно-процессуальном кодексе также текстуально оформлен в Федеральном конституционном законе «О судебной системе» и в Конституции Российской Федерации. Участникам уголовного судопроизводства, не владеющим или в достаточной степени не обладающим знаниями государственного языка или языка республики Российской Федерации должно быть разъяснено и обеспечено право использования родного языка, которым владеет лицо. Процессуальной гарантией обеспечения права пользования родным языком является введение в уголовно-процессуальное законодательство института переводчика. Указанные положения свидетельствуют о демократизации судебной системы, обеспечения открытости и доступности правосудия в целях охраны, восстановления и защиты прав и законных интересов граждан.

ГЛАВА II РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА ЯЗЫКА УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

2.1. Реализация принципа «язык судопроизводства» на досудебных стадиях процесса

Российское уголовно-процессуальное судопроизводство сформировано по модели смешанного типа. Досудебное производство в таком процессе имеет самостоятельное значение и играет значительную роль в осуществлении назначения уголовного судопроизводства¹.

Досудебное производство по уголовному делу включает в себя проверку оснований для возбуждения уголовного дела, принятие решения о возбуждении или отказе в возбуждении уголовного дела; проведение предварительного следствия в форме следственных действий или дознания, которое заканчивается направлением дела в суд, прекращением производства по делу или приостановлением следствия по делу. Предваряя собой стадии судебного производства, именно досудебные этапы являются основой законности и объективности при вынесении судьей приговора.

Принцип языка судопроизводства на досудебных стадиях играет немаловажную роль, обеспечивая участникам процесса право на использование государственного языка Российской Федерации, языка республики, входящей в состав Российской Федерации или родного языка, используемого участниками судопроизводства. В случае использования родного языка участникам, согласно действующему законодательству, должно быть разъяснено и обеспечено право пользования услугами переводчика.

При анализе принципа языка уголовного судопроизводства возникает правомерный вопрос о возможности использования разных языков (официального языка России и языка республики) при рассмотрении одного

¹ Ляхов, Ю.А. Досудебное производство в ювенальной юстиции России // Вопросы ювенальной юстиции. – 2012. – № 2. – С. 11.

уголовного дела, например, совершая какое-либо процессуальное действие на одном языке, а фиксируя его результаты на другом.

Первым на желательность унификации языка судопроизводства при осуществлении правосудия по какому-либо конкретному делу обратил внимание еще в 1974 году Г.П. Саркисянц, указывая, что «подобная мера позволит покончить с имеющимися еще на практике отдельными фактами, когда... предварительное следствие и судебное разбирательство ведутся на разных языках»¹. Подобное положение получило одобрение в научной среде и позднее было принято практикующими юристами.

Также не менее важным и существенным представляется нам вывод о том, что государственный язык республик в составе Российской Федерации имеет ограниченную область применения и может использоваться для организации судопроизводства и делопроизводства исключительно в рамках судебной системы этих субъектов.

Уголовно-процессуальный кодекс, закрепляя правовой статус участников судопроизводства, также закрепляет за ними право на бесплатную помощь услугами переводчика: потерпевший (п.7 ч. 2 ст. 42 УПК РФ); подозреваемый (п.7 ч. 3.1. ст. 46 УПК РФ); обвиняемый (п.7 ч.4. ст. 47 УПК РФ); свидетель (п. 3 ч. 4 ст. 56 УПК РФ). Ключевым является факт оказания услуг переводчика за счет бюджета соответствующего уровня.

Помимо оказания услуг переводчика в устной форме указанные участники судопроизводства на стадии предварительного расследования имеют право получать переводы процессуальных документов, копии которых подлежат обязательному вручению участникам, на родной язык или язык, которым участник уголовного судопроизводства свободно владеет.

Судебно-следственной практикой выработано правило, что на стадии предварительного расследования в обязательном порядке должны быть предоставлены переводы постановлений о возбуждении уголовного дела, о привлечении в качестве обвиняемого, об избрании меры пресечения, о

¹ Саркисянц, Г.П. Указ. соч. С. 20-21.

продлении срока содержания под стражей, обвинительного заключения. Вместе с тем документы, содержащие данные о проведении оперативно-розыскной деятельности и полученные в результате этого сведения, не подлежат обязательному переводу и вручению участникам судопроизводства.

В уголовно-процессуальном законодательстве не регламентируется понятие «лицо, не владеющее языком уголовного судопроизводства», но его содержание и критерии выработаны судебной практикой.

Следует отметить, что национальность лица не имеет определяющего значения для участия в производстве по уголовному делу, поскольку Уголовно-процессуальный кодекс закрепляет право на использование родного языка, того языка, которым владеет участник уголовного процесса¹.

Не владеющим языком судопроизводства признается лицо:

– не понимающее или плохо понимающее устную речь используемого языка судопроизводства;

– не умеющее свободно изъясняться на языке уголовного судопроизводства;

– не понимающее изложение фактических обстоятельств дела на языке судопроизводства.

Основной проблемой досудебной стадии является то, что степень владения участником языком судопроизводства определяется непосредственно следователем, дознавателем, прокурором, то есть лицом, не имеющим специального лингвистического или филологического образования.

Для установления степени владения языком судопроизводства осуществляются следственные и иные процессуальные действия:

1) допросы участника уголовного судопроизводства, в ходе которых, помимо прочего, выясняется: гражданство; национальность; место рождения;

¹ Уголовный процесс: Учеб. для вузов / А.В. Гриненко. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2013. – С. 69.

национальный состав семьи; на каком языке разговаривают в семье; какие образовательные учреждения окончил, на каком языке происходило обучение, изучался ли в образовательном учреждении русский язык; проходил ли действительную военную службу и если да, то на территории какого государства; как долго проживает в РФ; где работает, на каком языке общается во время выполнения трудовых обязанностей; понимает ли русский язык. В протоколе допроса рекомендуется указывать, что допрашиваемый русским языком владеет, свободно пишет, читает и разговаривает на русском языке и в услугах переводчика не нуждается.

Если участник понимает русский язык, рекомендуется указывать в протоколе допроса: «Русским языком владею, свободно разговариваю, читаю и пишу по-русски, в услугах переводчика не нуждаюсь», причем желательно, чтобы запись была произведена допрашиваемым собственноручно. Если лицо заявляет, что не владеет русским языком в достаточной степени, то в данном случае необходимо выяснить, какой язык является для него родным, на каком он свободно разговаривает и переводчик с какого языка ему требуется;

2) допросы родственников, знакомых и сослуживцев участника уголовного судопроизводства;

3) приобщение копий документов, подтверждающих обучение в образовательных учреждениях, прохождение военной службы, работу по трудовому договору, на основании которых можно сделать объективные выводы о знании или незнании лицом языка уголовного судопроизводства.

Так, например, в апелляционном постановлении Саратовского областного суда от 10 февраля 2017 года суд указал, что судом первой инстанции в судебном заседании было установлено, что подсудимый обучался в школе с преподаванием на русском языке. «Проживая и работая в Саратовском районе Саратовской области, он без затруднений изъяснялся на русском языке. При таких обстоятельствах суд пришел к правильному выводу о том, что И (подсудимый) в достаточной мере владеет языком, на

котором ведется производство по уголовному делу, и обоснованно отказал ему в предоставлении услуг переводчика».

Заблаговременное установление названных обстоятельств, представляется особо важным моментом в процессуальной деятельности на стадии предварительного расследования, поскольку вначале лицо может подтверждать факт владения языком уголовного судопроизводства, а затем заявлять обратное и требовать признать порядок сбора и фиксации доказательств как осуществление действий с нарушением закона.

Реализация принципа языка судопроизводства охватывает все стадии без исключения. При этом необходимо отметить, что проблема реализации данного принципа на стадии возбуждения уголовного дела является одной из наиболее сложных. О возникновении данной проблемы писал ранее Н.А. Абдуллаев¹, Это обусловлено тем, что на данной стадии процессуальный статус стороны имеет только подозреваемый в том случае, если он задержан г. по подозрению в совершении преступления в порядке ст. 91-92 УПК РФ. Остальные участники процесса, которые имеют место на указанной стадии, за исключением органов расследования, прокурора, не имеют четкого процессуального статуса. Об их праве пользоваться помощью переводчика можно говорить, исходя из содержания принципа языка судопроизводства. Полагаем, если на стадии возбуждения уголовного дела в ходе проверки информации о готовящемся или совершенном преступлении, лицо, которое дает объяснения, заявляет о необходимости предоставления ему переводчика в связи с тем, что оно не достаточно владеет языком судопроизводства, то данное ходатайство должно быть удовлетворено. В таком случае ссылаться на необязательность предоставления переводчика лицу в связи с тем, что оно впоследствии будет допрошено, не корректно.

¹ Абдуллаев Н.А. Принцип национального языка производства по делу в советском уголовном процессе: дис. ... канд.юр.наук . – Душанбе: Киргизский гос.унив-т, 1970. – С. 75.

Мы согласны с позицией Л.Г. Татьяниной, что материалы, полученные при проверке поводов и оснований на стадии возбуждения уголовного дела в соответствии с требованиями уголовно-процессуального законодательства, должны выступать в качестве доказательств и оцениваться в совокупности с другими доказательствами по уголовному делу¹. В случае если при проведении проверки поводов и оснований будет отказано в предоставлении переводчика лицу, которое не владеет языком судопроизводства, то, как следствие нарушения, принципа языка судопроизводства – полученные на данной стадии материалы не могут использоваться в процессе доказывания.

При решении вопроса о приглашении переводчика, на стадии возбуждения уголовного дела могут возникнуть трудности, обусловленные объективными обстоятельствами, в частности, отсутствием лиц, которые могут выступить в качестве переводчика. Эта ситуация может возникнуть: а) в небольших населенных пунктах, где проживает население одной национальности либо нескольких родственных народностей; б) в местности, где, несмотря на большое количество населения, лица, которые владеют языком, необходимым для осуществления перевода, отсутствуют; в) когда лицо, нуждающееся в переводчике, является представителем малого народа, проживающего в основном на одной территории.

Предоставление переводчика, владеющего необходимым языком, на стадии возбуждения уголовного дела сложно обеспечить своевременно, так как первоначально необходимо его найти. Считается, что в указанном случае в качестве переводчика может, быть приглашено лицо из числа сотрудников правоохранительных органов, способное общаться на языке, которым владеет лицо, нуждающееся в переводчике². При этом, полагает Ишмухаметов Я.М., необходимо вынести постановление о допуске, лица в

¹ Татьяна, Л.Г. Проблемы защиты прав обвиняемого по уголовным делам, расследуемым в форме дознания // Судебная власть в России: закон, теория, практика: Сб. статей Международ. науч.-практ. конф. - М., 2005. – С. 42.

² Ишмухаметов, Я.М. Язык судопроизводства как принцип российского уголовного судопроизводства : Дис. ... канд. юрид. наук . Ижевск, 2006. – С. 96.

качестве переводчика, указать причину, почему данное лицо привлечено в качестве переводчика, предусмотрев возможность участия указанного лица в качестве переводчика только на стадии возбуждения уголовного дела в течение суток.

Данное лицо должно пользоваться всеми правами переводчика, но в последующем оно не сможет принимать участие по уголовному делу в качестве какого-либо иного участника. Проверочные действия, проводимые участием данного переводчика, должны проводиться с использованием звукозаписи, которая будет выступать гарантом правильности перевода, психологически успокаивать лицо, вынужденное пользоваться помощью переводчика, являющегося одним из сотрудников правоохранительных органов.

Также возникает вопрос о возможности привлечения в качестве переводчика в указанной ситуации одного из родственников лица, которому нужен переводчик, если более в данном населенном пункте нет лиц, которые владеют данным языком. Полагаем, что привлечение родственников в качестве переводчиков при проведении проверочных действий является нецелесообразным, поскольку при отсутствии лиц, которые владеют необходимым языком для обеспечения принципа языка судопроизводства, допуск родственников в качестве переводчика поставит под сомнение сохранность информации, имеющейся в материалах проверки, что на наш взгляд, представляется недопустимым.

2.2 Реализация принципа языка судопроизводства на стадиях судебного производства

Судебные стадии являются логическим продолжением досудебного судопроизводства и характеризуется своими непосредственными специфическими задачами, стоящими перед ними (условия производства, круг субъектов, определенная форма процессуальной деятельности, особый характер уголовно-процессуальных правоотношений), а также решениями, свидетельствующими о завершении процессуальной деятельности на определенном этапе и знаменующими переход дела на следующую ступень уголовного судопроизводства.

Судебными стадиями признаются производство в суде первой инстанции, апелляционное и кассационное производство, исполнение приговора, производство в надзорной инстанции, возобновление производства по уголовным делам ввиду новых и вновь открывшихся обстоятельств. Исключительными стадиями в уголовном процессе именуется стадии, при реализации которых осуществляется пересмотр приговоров и иных решений суда, вступивших в законную силу. Это деятельность суда апелляционной и кассационной, надзорной инстанции, а также возобновление производства по делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств¹.

Одной из основных проблем судебных стадий, является вопрос о возможности изменения языка судопроизводства в рамках одного рассматриваемого дела.

Относительно разрешения данного вопроса существует несколько точек зрения.

Так, Н.И. Газетдинов считает, что язык судопроизводства может неоднократно меняться: «например, по первой инстанции дело рассматривается в районном суде на государственном языке республики, входящей в состав Российской Федерации. В кассационном порядке дело будет рассматриваться в Верховном Суде этой республики на

¹ Полищук, Н.И. К вопросу о совершенстве системы стадий уголовного процесса // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2015. – №1. – С. 182.

государственном языке такого субъекта. В порядке надзорного судопроизводства в Верховном Суде Российской Федерации дело будет рассматриваться на русском языке, то есть государственном языке России»¹.

Другой автор С.П. Щерба, высказывает несколько иную позицию, считая досудебное производство и судебное производство по уголовным делам в пределах одной и той же территории Российской Федерации составными частями единого уголовного процесса, который должен осуществляться на одном языке².

По мнению И.Я. Ишмухаметова, недопустимо изменять язык производства по уголовному делу в зависимости от конкретной стадии уголовного процесса. Более того, данный автор считает, что нецелесообразно вести производство по уголовным делам на языке субъекта Российской Федерации по нескольким причинам:

1) не все судьи и сотрудники правоохранительных органов свободно владеют национальным языком республики, на территории которой они проживают;

2) жители определенной республики могут пересекать границы своего субъекта, перемещаясь по территории Российской Федерации. Такое перемещение может происходить с соблюдением установленных законом норм и правил, но также существует возможность совершения лицом преступления на территории другой республики. В данной ситуации наиболее рациональным представляется ведение судопроизводства на языке, который понятен всем участникам процесса – русском языке, как государственном языке нашего государства;

3) специалисты в области языкознания считают, что «одним из самых сложных аспектов существования государственных языков республик... качества их функционирования в различных сферах общения представляется

¹ Газетдинов, Н.И. Принципы уголовного судопроизводства и их система: вопросы теории и практики. Казань, 2009. – С. 199.

² Щерба, С.П. Переводчик в российском уголовном процессе. М., 2010. – С. 30-31.

несоответствие у большинства из них статуса языка корпусу или реальному состоянию языка. Под корпусом языка понимается степень кодифицированности, наличие или отсутствие письменности и литературной нормы, включая нормы устной и письменной речи — орфоэпические, орфографические, грамматические, уровень междиалектной консолидированности, фактор литературной, фольклорной и лингвокультурной традиций»;

4) все принципы судопроизводства обладают равным правовым положением. Среди них невозможно выделить наиболее и наименее значимые принципы. Нарушение одного из принципов, как базовых начал судопроизводства, влечет за собой отмену вынесенного решения. Так, судопроизводство на территории России осуществляется, в том числе, на основе принципа гласности. Если судопроизводство ведется на государственном языке субъекта, то лица, которые присутствуют на процессе, но не владеют национальным языком республики, будут лишены возможности понять содержание происходящего;

5) судопроизводство осуществляется от имени Российской Федерации, поэтому оно должно осуществлено на государственном языке.

Процессуальная деятельность переводчика в рамках судебного разбирательства является логичным продолжением досудебных стадий производства, поэтому наиболее приемлемым вариантом является закрепление одного переводчика на период осуществления всех процессуальных действий¹.

Другой проблемой реализации принципа языка судопроизводства является отсутствие высококвалифицированных специалистов в области перевода, особенно это касается перевода с редких языков (в том числе и языков народов РФ) и языков стран СНГ. В процессе производства по уголовному делу, если участником процесса становится, например,

¹ Кузнецов, О.Ю. Переводчик в российском уголовном судопроизводстве. Монография, М., 2006. – С. 155.

гражданин Лаоса, Вьетнама и т.д., то представляется крайне затруднительным обеспечить такому лицу участие в деле переводчика, обладающего высоким уровнем квалификации для перевода юридических текстов и документов и для осуществления процесса устной коммуникации при взаимодействии участников судопроизводства. Причем как указывалось нами ранее, определяющим фактором при привлечении переводчика к участию в деле является не столько наличие соответствующих документов об образовании, подтверждающих определенный уровень владения языком, сколько умение свободно изъясняться на требуемом языке и на государственном языке Российской Федерации, а также наличие навыков письменной речи и письменного перевода.

Решение данной проблемы видится в создании специализированных судебно-переводческих организаций, которые частично уже осуществляют свою деятельность на территории Российской Федерации. Так, например, в частности, А.В. Винников, рассматривая данную проблему, не без оснований, указывает: «Индивидуально-практикующих переводчиков в особенности переводчиков, востребованных в уголовном процессе языков России и СНГ, практически нет. Переводческие услуги сконцентрированы в десятках тысяч коммерческих переводческих организаций и бюро переводов, переводческих фирм и т.п. Они действуют без лицензирования и иных регуляторов и без формальных ограничений допускаются к обслуживанию органов правосудия на основании договоров как юридических лиц»¹.

Обязанность суда установить степень владения лица языком судопроизводства должна неукоснительно выполняться. В противном случае, неспособность лица понимать существо предъявленного обвинения, ход судебного заседания и предъявляемые доказательства является безусловным основанием для отмены вынесенного ранее судебного решения. Также не

¹ Винников, А.В. Судебно-переводческие организации. [Электронный ресурс] – <http://otkrmir.ru/> (дата обращения: 25 марта 2017 года)

менее важным представляется установление степени владения языком у переводчика.

Так, например, Верховным Судом республики Дагестан было рассмотрено дело по жалобе адвоката на нарушение принципов уголовного судопроизводства¹. Судом первой инстанции нарушены требования ст.18 УПК РФ, выразившееся в том, что осужденному был предоставлен переводчик, не владеющий на должном уровне родным языком обвиняемого, а также ему не вручено постановление суда в переведенном на его родной язык виде.

Согласно п.5 ч.2 ст. 389.17 УПК РФ, основаниями отмены или изменения судебного решения в любом случае является нарушение права подсудимого давать показания на родном языке или языке, которым он владеет, и пользоваться помощью переводчика.

Как следует из расписки адвоката, его подзащитный просит о вручении ему постановления суда в переводе на агульский язык. Между тем, из справки председательствующего судьи следует, что перевести данное постановление на агульский язык не представилось возможным.

При таких обстоятельствах суд апелляционной инстанции пришел к выводу о том, что судом при рассмотрении ходатайства органов следствия о продлении срока содержания под стражей обвиняемого нарушено его право, предусмотренное ст.18 УПК РФ – пользоваться услугами переводчика, что в соответствии с п.5 ч.2 ст.389.17 УПК РФ является основанием отмены или изменения судебного решения судом в апелляционном порядке в любом случае. Таким образом, постановление нижестоящего суда было признано незаконным и необоснованным, в связи с чем, подлежало отмене.

¹ Апелляционное Постановление Верховного Суда республики Дагестан от 09.02.2017 дело №22к-287 [Электронный ресурс] – <https://rospravosudie.com/court-verhovnyj-sud-respubliki-dagestan-respublika-dagestan-s/act-553320373/> (дата обращения: 10.04.2017 г.)

Другое судебное решение¹ подлежало отмене на том основании, что судебные акты, а также иные документы, подлежащие обязательному вручению осужденному, изготавливаются не только на языке, на котором ведется судопроизводство по уголовному делу, но и на том языке, которым владеет соответствующий участник процесса.

Из материалов дела следует, что рассмотрение уголовного дела в отношении подсудимого проводилось с участием переводчика с грузинского языка, из чего следует, что подсудимый не владеет языком, на котором ведется судопроизводство. Между тем, в нарушение требований закона подсудимому, не владеющему языком судопроизводства, не было вручено постановление о назначении судебного заседания на его родном языке, суд не обеспечил его защитником, переводчиком, не разъяснил процессуальных прав на его родном языке, в том числе и право на участие в судебном заседании, на защитника и не представил переводов процессуальных документов.

Другой проблемой реализации принципа языка судопроизводства является вопрос о том, считается ли это правом или обязанностью со стороны государственных органов обеспечить участие переводчика в уголовном процессе по требованию лица. Так, например, в Апелляционном постановлении Курганского областного суда², поводом к принятию которого послужила жалоба лица, ссылающего на незаконность вынесенного приговора вследствие лишения осужденного права пользоваться помощью переводчика при даче показаний в ходе расследования и рассмотрения уголовного дела, суд указал на несостоятельность таких доводов. Из материалов уголовного дела усматривается, что осужденный с 2009 года (по настоящий период времени) является гражданином Российской Федерации,

¹ Апелляционное постановление Липецкого областного суда от 21 февраля 2017 года по делу № 22-231/2017 [Электронный ресурс] – <https://rospravosudie.com/court-lipeckij-oblastnoj-sud-lipeckaya-oblast-s/act-553928975/> (дата обращения: 02 апреля 2017 года)

² Апелляционное постановление Курганского областного суда от 14 марта 2017 года по делу № 22-425/2017 [Электронный ресурс] – <https://rospravosudie.com/court-kurganskij-oblastnoj-sud-kurganskaya-oblast-s/act-554448208/> (дата обращения: 02 апреля 2017 года)

сведений о заявлении им ходатайств в ходе предварительного расследования о допуске в дело переводчика не представлено. Напротив, при допросе на предварительном следствии после разъяснения права пользоваться помощью переводчика бесплатно осужденный пояснил, что русским языком владеет хорошо, поскольку проживает на территории России на протяжении 8 лет, в помощи переводчика не нуждается. То же самое осужденный пояснял и при производстве предварительного расследования уголовного дела и рассмотрении его судом первой инстанции. Ссылка осужденного в судебном заседании по рассмотрению уголовного дела на недостаточное, как ему кажется, владение русским языком не может служить основанием к участию в деле переводчика в соответствии с требованиями ст. 18 УПК РФ. Намерение обвиняемого, владеющего языком судопроизводства, пользоваться по своему усмотрению иным языком, не возлагает на органы расследования и суд обязанность обеспечения участия переводчика в целях удовлетворения произвольного волеизъявления лица, способного, но не желающего по каким-либо причинам пользоваться языком, на котором ведется производство по делу. Также, что является немаловажным, апелляционная жалоба на приговор по делу подана осужденным на русском языке, на котором, как смог убедиться суд апелляционной инстанции, осужденный изъясняется достаточно свободно.

Опираясь на приведенное судебное решение, можно констатировать, что обеспечение участия в деле переводчика является и правом, и обязанностью суда. Если суд придет к выводу, что лицо не владеет языком судопроизводства в достаточной степени, то на нем будет лежать обязанность обеспечить участие в деле переводчика. Если суд придет к выводу, что лицо без затруднений изъясняется на языке судопроизводства, понимает ход процесса, может самостоятельно выступать в рамках судебного заседания и знакомиться с материалами дела, но при этом лицо настаивает на привлечении переводчика, то в данном случае, назначение переводчика будет являться правом суда. И отказ суда к привлечению переводчика для участия

в судебном заседании будет правомерен. Расходы по оплате услуг переводчика лежат на органах судебной власти, поэтому в данном случае экономический аспект деятельности, при соблюдении всех формальных юридических оснований, играет немаловажную роль.

При исследовании материалов судебно-следственной практики нами был найден не менее интересный и показательный пример¹ реализации принципа языка уголовного судопроизводства. В апелляционном порядке судопроизводства Уйским районным судом Челябинской области было рассмотрено представление прокурора Крынецкого Н.С., который просит частное постановление мирового судьи отменить. Прокурор указывает, что в обвинительном заключении по уголовному делу при изложении самого существа обвинения, не содержится слов, содержащих ненормативную лексику, которая содержится лишь в приведенных в обвинительном заключении доказательствах, полученных следователем в ходе предварительного следствия, в связи с чем выводы мирового судьи о том, что в нарушение норм УПК РФ обвинительное заключение в отношении Путилова А.В. содержит нецензурные слова и выражения являются необоснованными.

Как следует из частного постановления, основанием для реализации полномочий, закрепленных ч. 4 ст. 29 УПК РФ, мировой судья признал нарушения норм УПК РФ, допущенные на досудебной стадии, выразившиеся в том, что обвинительное заключение по уголовному делу в отношении Путилова А.В. содержит нецензурные слова и выражения, тогда как согласно ч. 1 ст. 18 УПК РФ уголовное судопроизводство ведется на русском языке, тем самым, как указано в постановлении, прокуратурой Уйского района, заместителем руководителя следственного отдела, направившего в суд

¹ Апелляционное постановление Уйского районного суда Челябинской области от 07 марта 2017 года по делу №10-6/2017 [Электронный ресурс] – <https://rospravosudie.com/court-ujskij-rajonnyj-sud-chelyabinskaya-oblast-s/act-554282507/> (дата обращения 02 апреля 2017 год)

уголовное дело, были нарушены нормы уголовно-процессуального закона, законов Российской Федерации и Конституции РФ, что недопустимо.

Однако эти выводы мирового судьи не соответствуют требованиям закона и фактическим обстоятельствам дела. В соответствии с ч. 7 ст. 186 УПК РФ о результатах осмотра и прослушивания фонограммы следователь с участием специалиста, а также лиц, чьи телефонные или иные переговоры записаны, составляет протокол, в котором должна быть дословно изложена та часть фонограммы, которая, по мнению следователя, имеет отношение к данному уголовному делу.

Следователь, в силу ст. 38 УПК РФ, являясь самостоятельной процессуальной фигурой, при составлении протокола излагает ту часть фонограммы, которая содержит ненормативную лексику, которая является одним из основных доказательств оскорбления представителя власти и входит в предмет доказывания по уголовному делу.

Как видно из материалов уголовного дела, описательная часть обвинительного заключения по обвинению Путилова А.В. в совершении преступления, предусмотренного ст. 319 УК РФ, составленного заместителем руководителя СО СУ СК России по Челябинской области, утвержденного прокурором Уйского района Крынецким Н.С. не содержит нецензурных слов и выражений.

При таких обстоятельствах выводы мирового судьи о нарушении прокуратурой Уйского района, заместителем руководителем следственного отдела по г. Чебаркуль СУ СК России по Челябинской области требований уголовно-процессуального закона в части, касающейся содержания в обвинительном заключении нецензурных слов и выражений, являются необоснованными

Делая вывод по приведенному нами примеру судебного решения, можно отметить, что использование в уголовном процессе нецензурных слов и выражений является нарушением принципа языка судопроизводства, однако рассматривая уголовное дело, возбужденное по статье 319 УК РФ

связанное с оскорблением представителя власти, ненормативная лексика, употребляемая в отношении представителя власти, входит в предмет доказывания и должна быть зафиксирована следователем. Указанное обстоятельство подтверждается решением суда апелляционной инстанции об отмене частного постановления суда первой инстанции.

Отдельного рассмотрения требует вопрос использования в судебном заседании языка жестов, с помощью которого общаются глухонемые люди. Участие сурдопереводчика регламентируется ч. 6 ст. 59 УПК РФ, предусматривающей, что общие правила о деятельности переводчика распространяются и на лицо, владеющее навыками сурдоперевода и приглашенное для участия в производстве по уголовному делу. Далее российским законодательством специально не регламентируется участие сурдопереводчика.

В зарубежном законодательстве мы можем обнаружить нормы, которые обособленно рассматривают фигуру и процессуальный статус сурдопереводчика. Так в соответствии со ст. 229 УПК Азербайджанской Республики – допрос немого, глухого или слепого свидетеля производится с участием лица, понимающего его знаки или разговаривающего с ним посредством знаков. Участие такого лица в допросе отмечается в протоколе допроса. Допрос свидетеля, страдающего тяжким заболеванием, производится по разрешению и с участием врача. При допросе немого, глухого, слепого или страдающего иной тяжелой болезнью свидетеля может присутствовать его законный представитель или представитель¹.

Допрос немого или глухого свидетеля, потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого осуществляется с участием лица, которое понимает его знаки и умеет изъясняться с ним знаками. Участие этого лица в допросе отражается в протоколе. При наличии у допрашиваемого

¹ Мамаева, Р.О. Участие переводчика в уголовном судопроизводстве с участием лиц, имеющих физические недостатки // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. – 2015. – №4. – С. 32.

иного тяжкого заболевания его допрос осуществляется с разрешения врача и в его присутствии (ч. 4,5 УПК Республики Молдова, ч. 7,8 ст. 213 УПК Республики Казахстан)¹.

Российский законодатель, не прописывая, аналогично зарубежным странам, механизм защиты прав и законных интересов лиц – участников уголовного судопроизводства, имеющих физические недостатки, именно Уголовно-процессуальном Кодексе, тем не менее уделяет внимание этому вопросу в отраслевом законодательстве.

Так, в Федеральном законе от 24 ноября 1995 года № 181 «О социальной защите инвалидов» предусматривается право инвалида с нарушениями функции слуха требовать предоставления за счет средств федерального бюджета услуг по сурдопереводу в суде. Утвержденные постановлением Правительства РФ от 25 сентября 2007 г. № 608 «Правила предоставления инвалидам услуг по сурдопереводу за счет средств федерального бюджета» указывают, что услуги по сурдопереводу осуществляет специальная организация, отобранная уполномоченным органом и имеющая в своем распоряжении сертифицированных сурдопереводчиков.

Также частично затрагивается вопрос обеспечения прав и механизма защиты таких лиц в Постановлении Пленума Верховного суда № 29², где в п. 15 указано, что в целях создания необходимых условий для реализации такими лицами процессуальных прав и при наличии оснований суду следует обсуждать вопрос о необходимости привлечения к участию в деле соответствующих специалистов (владеющих навыками сурдоперевода, применения системы Брайля и т.д.).

¹ Ч. 4,5 УПК Республики Молдова, ч. 7,8 ст. 213 УПК Республики Казахстан.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 июня 2015 г. № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» // СПС Гарант [Электронный ресурс] – <http://base.garant.ru/71108342/> (дата обращения: 30 марта 2017 год)

Компетентное и легальное решение данных процессуальных вопросов позволит гарантировать соблюдение прав и законных интересов лиц, имеющих такой физический недостаток, как нарушение слуха и речи, и предусмотреть повышенную защиту таких лиц.

Делая выводы по данному параграфу следует отметить, что процессуальная деятельность переводчика в рамках судебного разбирательства является логичным продолжением досудебных стадий производства, поэтому наиболее приемлемым вариантом является закрепление одного переводчика на период осуществления всех процессуальных действий.

Решение проблемы перевода устной и письменной речи с редких языков видится в создании специализированных судебно-переводческих организаций, которые частично уже осуществляют свою деятельность на территории Российской Федерации.

Опираясь на рассмотренные материалы судебной практики можно констатировать, что обеспечение участия в деле переводчика является и правом, и обязанностью суда. Если суд придет к выводу, что лицо не владеет языком судопроизводства в достаточной степени, то на нем будет лежать обязанность обеспечить участие в деле переводчика. Если суд придет к выводу, что лицо без затруднений изъясняется на языке судопроизводства, понимает ход процесса, может самостоятельно выступать в рамках судебного заседания и знакомиться с материалами дела, но при этом лицо настаивает на привлечении переводчика, то в данном случае, назначение переводчика будет являться правом суда.

Использование в уголовном процессе нецензурных слов и выражений является нарушением принципа языка судопроизводства, однако рассматривая уголовное дело, возбужденное по статье 319 УК РФ связанное с оскорблением представителя власти, ненормативная лексика, употребляемая в отношении представителя власти, входит в предмет доказывания и должна быть зафиксирована следователем. Указанное

обстоятельство подтверждается решением суда апелляционной инстанции об отмене частного постановления суда первой инстанции.

2.3 Язык участников судопроизводства и стиль приговора как одного из основополагающих документов уголовного процесса

От ораторского мастерства участников судопроизводства во многом зависит исход судебного процесса. В состязательном уголовном процессе большое внимание уделяется не только представленным доказательствам, но и способам представления таких доказательств.

Не случайно у Р. Гарриса неграмотная, плохо подготовленная судебная речь адвоката или прокурора ассоциируется с небрежным отношением к самому делу: «Плохая речь подточит самое прочное дело. Это все равно что нарядить миллионера в тряпки. Плохой оратор - это моряк, который при самом отплытии уже выкидывает сигнал бедствия; многие пожалеют о нем, но никто не пойдет к нему на помощь...плохая речь может погубить самое верное дело, как кутила может промотать огромное состояние, тогда как хорошая речь придает и ненадежному делу действительные или кажущиеся преимущества»¹.

Немаловажное значение речи участников судебного процесса придется при рассмотрении дела с участием присяжных заседателей. Так, например, «задача адвоката в условиях постоянного контакта с членами коллегии выступать в роли ее добровольного помощника, призванного помочь присяжным разобраться во всех нюансах дела. Выполняя данную роль

¹ Гаррис, Р. Школа адвокатуры: руководство к ведению гражданских и уголовных дел. – СПб., 1966. – С. 103.

адвокат должен привносить свежий, оригинальный и яркий элемент в судебную речь, в строгом соответствии с общими канонами судебной речи¹».

Прокурору, как противоположной стороне процесса, следует также уделять немало внимания характеру произносимой обвинительной речи. От правильно расставленных акцентов в рамках выступления в прениях сторон, от умения логично и доступно аргументировать свою позицию во многом зависит и характер вынесенного судьей приговора, а также характер и сроки уголовного наказания.

Также и председательствующему судье необходимо уделять немало внимания произносимой им речи, поскольку если он при произнесении напутственного слова присяжным окажется несостоятелен как судебный оратор, то это может основательно подорвать его авторитет как судьи-профессионала и ему навряд ли удастся надлежащим образом разъяснить присяжным содержание обвинения, уголовного закона, исследованные в суде доказательства, как уличающие, так и оправдывающие, и другие юридические вопросы.

Особое значение языка изложения приговора является предметом тщательного рассмотрения не только с лингвистической, но и с юридической стороны.

Особое значение приговора объясняет повышенные требования не только к его содержанию, но также и к форме его изложения, языку и стилю, а в более общем смысле – к культуре этого важнейшего процессуального документа.

Приговором, с позиции толкования Верховного Суда, является постановленное именем Российской Федерации решение суда по уголовному делу о невиновности или виновности подсудимого и назначении ему

¹ Каракозов, С.А. Психологические аспекты выступления адвоката в прениях сторон в суде присяжных // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. – 2009. – № 4. – С. 199.

наказания либо об освобождении от наказания¹. Согласно п.41 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебном приговоре»² «приговор должен излагаться в ясных и понятных выражениях. Недопустимо использование в приговоре принятых сокращений и слов, неприемлемых в официальных документах, а также загромождение приговора описанием обстоятельств, не имеющих отношения к существу рассматриваемого дела».

Приговор, как и любой официальный документ, равно как и другие процессуальные документы, должен быть изложен с помощью средств официально-делового стиля. Характерной чертой стиля является логичность, ясность и точность изложения сведений. Для официально-делового стиля характерно также специфическое использование языковых средств: их единообразное употребление, наличие (обилие) специальных терминов (в данном случае юридических), стандартные обороты (клише и штампы) и др. Судья должен юридически грамотно, кратко и ясно изложить в приговоре установленные судом обстоятельства дела, анализируемые доказательства, выводы и решения суда.

Ясность и точность выражения мыслей крайне важна при написании приговора. Недопустимо использовать двусмысленные выражения, которые могут быть по-разному истолкованы участниками судопроизводства. Для достижения максимальной точности судье иногда приходится пренебрегать некоторыми стилистическими особенностями, например, неоднократно повторяя в тексте приговора фамилии, имена, названия с целью исключить возможность двоякого толкования текста.

Ясность и точность достигаются путем использования различных терминов, имеющих юридический и неюридический характер. Важное условие употребления терминологии состоит в уместном, адекватном

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 № 55 «О судебном приговоре» // Российская газета. – 7 декабря 2016 год. – № 7145 (277).

² Там же. п. 41.

использовании термина в надлежащем контексте, а также полное понимание сущности используемых понятий и категорий.

Употребление специальных неюридических терминов должно происходить осознанно и только в случае крайней необходимости. Это же правило распространяется и на употребление в тексте приговора слов, имеющих иностранное происхождение, даже если эти слова прочно закрепились в устной или письменной речи и стали общеупотребительными.

Стандартные речевые обороты, клише, речевые шаблоны придают тексту точность и приближают его к формально-юридическому или официально-деловому стилю. Например, оборот «произвел выстрел» соответствует разговорному «выстрелил», но для юриста очевидна смысловая разница между ними: «произвёл выстрел» подчёркивает умышленный характер этого действия, тогда как «выстрелил» допускает и неосторожность (например, «неосторожно нажав на спусковой крючок, «выстрелил из ружья»)¹.

Обратной стороной наиболее полного и точного изложения хода событий в тексте приговора является упоминание не имеющих к делу, к предмету доказывания обстоятельств, имен, событий. Такие подробности усложняют конструкцию приговора, делают его сложным для восприятия, что в дальнейшем может проявиться в обжаловании вынесенного решения. Это может происходить вследствие неграмотности судьи, его слабой профессиональной подготовки, неумении анализировать материал и выделять основные и второстепенные факты.

К особенностям изложения текста приговора следует отнести и тот факт, что в тексте приговора не стоит употреблять «подробных описаний способов совершения преступлений, связанных с изготовлением наркотических средств, взрывных устройств и взрывчатых веществ и т.п., а

¹ Гаррис Р. Указ. соч. С. 105-108.

также преступлений, посягающих на половую неприкосновенность и половую свободу личности или нравственность несовершеннолетних»¹.

Также можно выделить ряд других стилистических и языковых особенностей написания приговора.

Приговор должен быть написан в третьем лице. Также в приговоре излагаются и показания лиц, допрошенных в рамках проведения судебного заседания. Показания допрошенных лиц излагаются судьей путем использования косвенной речи, поскольку изложение фактов от имени лица, дававшего показания, придаёт изложению нежелательную эмоциональную окраску и может создать впечатление о необъективности суда. Также возможно корректировать речевые обороты допрошенных, поскольку доподлинная передача информации не имеет самостоятельного значения, а важен лишь сам сообщенный факт

Недопустимо употреблять слова с суффиксами, придающими эмоциональную окраску словам и подчёркивающими субъективную оценку составителей приговора² (например: «пьянка», «девчонка» и т.п.). Также считается недопустимым употребление слов и фраз, имеющих разговорный характер, сниженной лексики, вульгарных и непристойных фраз.

Для стиля приговора характерна предпочтительность прямого порядка слов в предложениях, когда подлежащее предшествует сказуемому, определение – определяемому слову, дополнения следуют за управляющим словом, обстоятельства стоят по возможности ближе к тому слову, с которым они соотнесены по смыслу.

Приговор любого вида состоит из вводной, описательной, мотивировочной и резолютивной частей.

Во вводной части прописываются данные о личности подсудимого, имеющие значение для дела, и которые могут быть учтены судом при

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 № 55 «О судебном приговоре» // Российская газета. – 7 декабря 2016 год. – № 7145 (277). – п. 41.

² Искендеров, Р. Справедливость – важное требование к приговору // Советская юстиция. – 1988. – № 7. – С. 15.

назначении подсудимому вида и размера наказания, вида исправительного учреждения, признании рецидива преступлений, разрешении других вопросов, связанных с постановлением приговора (об имеющейся у подсудимого инвалидности, о наличии у него государственных наград, почетных, воинских и иных званий и др.).

В описательно-мотивировочной части судом должны быть указаны те доказательства, которые были непосредственно исследованы в судебном заседании. Ссылка в приговоре на показания подсудимого, потерпевшего, свидетелей, данные ими в ходе предварительного расследования или в ином судебном заседании, допустима только при условии оглашения этих показаний в судебном заседании.

При постановлении оправдательного приговора в его описательно-мотивировочной части указывается существо предъявленного обвинения; излагаются обстоятельства дела, установленные судом; приводятся основания оправдания подсудимого и доказательства, их подтверждающие (например, сведения, указывающие на отсутствие события преступления или на то, что причастность лица к совершению преступления не установлена). Кроме того, в описательно-мотивировочной части оправдательного приговора должны быть приведены мотивы, по которым суд отверг доказательства, представленные стороной обвинения, а также при наличии заявленного гражданского иска – мотивы принятого по нему решения. Включение в оправдательный приговор формулировок, ставящих под сомнение невиновность оправданного, не допускается¹.

Описательно-мотивировочная часть обвинительного приговора, постановленного в общем порядке судебного разбирательства, должна содержать описание преступного деяния, как оно установлено судом, с указанием места, времени, способа его совершения, формы вины, мотивов, целей и последствий преступления. В тех случаях, когда преступление совершено группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или

¹ Гаррис Р. Указ. соч. С. 107-109.

организованной группой, при описании преступного деяния должно быть указано, какие конкретно преступные действия совершены каждым из соучастников преступления.

Если суд установил обстоятельства преступления, которые не были отражены в предъявленном подсудимому обвинении, но признаны судом смягчающими наказание (к примеру, совершение преступления в силу стечения тяжелых жизненных обстоятельств либо по мотиву сострадания, в результате физического или психического принуждения; противоправность или аморальность поведения потерпевшего, явившиеся поводом для преступления), эти обстоятельства также должны быть приведены при описании деяния подсудимого. Суды обязаны строго выполнять требования Уголовно-процессуального кодекса о необходимости мотивировать в обвинительном приговоре выводы по вопросам, связанным с назначением уголовного наказания, его вида и размера.

Резолютивная часть обвинительного приговора должна быть изложена таким образом, чтобы не возникало сомнений и неясностей при его исполнении.

В резолютивной части оправдательного приговора следует указать, по какому из предусмотренных законом оснований подсудимый оправдан. Если подсудимый обвинялся в совершении нескольких преступлений, приводятся основания оправдания по каждому из них.

Таким образом, постановление приговора – это в первую очередь творческий процесс, который требует не только юридических, лингвистических и филологических норм и правил, но также и предполагает умение оперировать речевыми оборотами, ясно, четко, последовательно и грамотно излагать факты и события, имеющие отношение к делу. Специфика рассматриваемых уголовных дел, объем исследуемых судом доказательств, индивидуальные особенности подсудимого и многие другие факторы оказывают существенное влияние на методику и стиль изложения содержания приговора. Написание текста приговора – процесс затратный по

времени, требующий максимальной сосредоточенности и внимания. Изложенные выше требования к написанию приговора являются гарантией легальности, объективности, беспристрастности выносимого судом итогового решения по уголовному делу.

Делая вывод по второй главе можно отметить следующие моменты.

Отечественная судебная практика следует по пути признания совершения процессуального действия и фиксации его результатов на одном языке. Также судебно-следственной практикой выработана позиция, согласно которой, участие на протяжении всего уголовного судопроизводства одного переводчика способствует наиболее полной защите прав и свобод обвиняемого/подсудимого, однако в реальной правоприменительной деятельности суду и органам, рассматривающим дело на стадиях досудебного производства, не всегда удается сохранить процессуальный статус переводчика за одним лицом.

Одной из основных проблем стадий досудебной и судебного производства является то, что степень владения участником языком судопроизводства определяется непосредственно следователем, дознавателем, прокурором, судом, то есть лицом, не имеющим специального лингвистического или филологического образования. В работе также обозначены критерии установления степени владения лица языком судопроизводства.

Другой проблемой реализации принципа языка судопроизводства является отсутствие высококвалифицированных специалистов в области перевода, особенно это касается перевода с редких языков (в том числе и языков народов РФ) и языков стран СНГ. Решение проблемы в данном случае нам видится в создании специализированных бюро, т.н. судебнопереводческих организаций, которые уже начинают свое развитие в нескольких регионах страны.

Еще одной проблемой принципа языка судопроизводства является вопрос о том, считается ли это правом или обязанностью со стороны

государственных органов обеспечить участие переводчика в уголовном процессе по требованию лица. Опираясь на материалы судебной практики нами был сделан такой вывод, что обеспечение участия в деле переводчика является и правом, и обязанностью суда. Если суд придет к выводу, что лицо не владеет языком судопроизводства в достаточной степени, то на нем будет лежать обязанность обеспечить участие в деле переводчика. Если суд придет к выводу, что лицо без затруднений изъясняется на языке судопроизводства, понимает ход процесса, может самостоятельно выступать в рамках судебного заседания и знакомиться с материалами дела, но при этом лицо настаивает на привлечении переводчика, то в данном случае, назначение переводчика будет являться правом суда. И отказ суда к привлечению переводчика для участия в судебном заседании будет правомерен. Расходы по оплате услуг переводчика лежат на органах судебной власти, поэтому в данном случае экономический аспект деятельности, при соблюдении всех формальных юридических оснований, играет немаловажную роль.

ГЛАВА III ПРАКТИКА ЕСПЧ В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА ЯЗЫКА УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

В законодательстве всех европейских государств присутствует институт языка судопроизводства, который в рамках Европейского союза получил универсальное содержание и широко распространенную практику применения. Основными источниками в данной сфере являются Конвенция прав человека и основных свобод, принятая Советом Европы на Римском конгрессе 4 ноября 1950 г. (Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms); Рамочная конвенция Совета Европы от 1 февраля 1995 г. о защите национальных меньшинств (Framework Convention for the Protection of National Minorities); Европейская хартия о региональных языках или языках меньшинств, принятая Советом Европы 5 ноября 1992 г. (European Charter for Regional or Minority Languages). Правовые нормы указанных международных актов содержат положения, касающиеся обеспечения прав лиц на использование родного языка, в случае, если такие лица не владеют языком судопроизводства, а также гарантии обеспечения закрепленного права.

Лица, не владеющие языком судопроизводства страны, отправляющей правосудие, должны быть на понятном им языке уведомлены о характере и основаниях предъявляемого обвинения, об основаниях и сроках задержания, а также имеют право пользоваться бесплатной помощью переводчика.

Рассматриваемые правовые акты, определяя право на использование родного языка, регионального языка, языка меньшинств предусматривают ряд ограничений. Так, например, Европейская хартия о региональных языках (Российская Федерация присоединилась к странам, подписавшим Хартию, на основании распоряжения Президента РФ от 22 февраля 2001 г. № 90-рп, однако до сих пор ее не ратифицировала) закрепляет понятие «региональных языков или языков меньшинств». Содержание данного термина представляет собой языки, которые традиционно используются на данной территории

государства жителями этого государства, представляющими собой группу, численно меньшую, чем остальное население государства отличаются от официального языка (языков) этого государства¹. Примечательно, что таким языком признается именно язык, используемый жителями ограниченной территории, но включает в себя диалекты, наречия мигрантов и т.д. Также основным условием является тот факт, что региональный язык или язык меньшинства должен использоваться в качестве основного средства общения для населения, проживающего на определенной территории.

Признание и использование региональных языков и языков меньшинств предполагает уважение географического района каждого регионального языка или языка меньшинства, создает благоприятные условия для развития региональных языков и языков меньшинств и минимизирует количество барьеров в процессе межкультурных и межличностных коммуникаций; содействует использованию региональных языков или языков меньшинств в устной и письменной речи, в общественной и личной жизни, предопределяя язык в качестве основного и значимого элемента культурного богатства; обеспечивает надлежащие формы и средства для преподавания и изучения региональных языков или языков меньшинств на всех соответствующих стадиях; создает условия, позволяющих лицам, не говорящим на региональном языке или языке меньшинства и живущим в районе, где он используется, при желании изучать его в учебных заведениях различного уровня (статья 7 Хартии).

Конвенция о защите прав человека и основных свобод² также закрепляет право на использование родного языка при участии лица в определенных процессуальных действиях. Так статья 5 Конвенции, закрепляя право на свободу и личную неприкосновенность закрепляет

¹ Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств (ETS № 148) // [Электронный документ] - <http://docs.cntd.ru/document/1902299>

² Конвенция о защите прав человека и основных свобод ETS № 005 (Рим, 4 ноября 1950 г.) // [Электронный документ] – <http://base.garant.ru/2540800/#ixzz4cESqdV63> (дата обращения: 15 марта 2017 год)

обязанность за компетентными органами каждому арестованному незамедлительно сообщают на понятном ему языке причины его ареста и любое предъявляемое ему обвинение. Право само обвиняемого заключается быть незамедлительно и подробно уведомленным на понятном ему языке о характере и основании предъявленного ему обвинения; пользоваться бесплатной помощью переводчика, если он не понимает языка, используемого в суде, или не говорит на этом языке (статья 6 Конвенции).

Рамочная Конвенция о защите национальных меньшинств¹ еще в преамбуле провозглашает языковую самобытность лица, считая подобное положение основой развития подлинно демократического общества. Другой особенностью Конвенции является гарантированность и обеспечение со стороны государственных органов условий, позволяющих использовать язык меньшинства в отношениях между этими лицами и административными властями. Также страны-участники Конвенции обязуются в кратчайший срок гарантировать право любого лица, принадлежащего к национальному меньшинству, на языке, который оно понимает, информацию о причинах его ареста, характере и причине любого выдвинутого против него обвинения, а также вести защиту на этом языке, получая для этого при необходимости бесплатную помощь переводчика.

Примечателен тот факт, что только в рамках рассматриваемой Конвенции страны-участницы обязуются признавать за любым лицом из числа лиц национального меньшинства, право пользоваться своей фамилией (патронимом), именами и отчеством на языке этого меньшинства. Подобного рода условие является немаловажным для государств, признающих формальное равенство физических лиц, независимо от происхождения, национальности, религиозного вероисповедания и т.д. Право пользоваться именем, фамилией и отчеством на языке национального меньшинства является прочной основой для реализации принципа равенства.

¹ Рамочная Конвенция о защите национальных меньшинств (Страсбург, 1 февраля 1995 г.) // [Электронный документ] – <http://constitution.garant.ru/act/right/megdunar/2540487/>

Рамочная Конвенция крайне подробно расписывает механизм реализации принципа языка национального меньшинства. Так, страны-участницы конвенции должны обеспечить право свободного и беспрепятственного пользования национальным языком устно и письменно, используя язык в частной жизни и при осуществлении публичных функций. Стороны Конвенции должны обеспечить максимальные условия для взаимодействия должностных лиц, выполняющих публичные и административные функции, и населения с использованием языка национального меньшинства. Страны-участницы Конвенции должны стремиться обеспечить признание за любым лицом права публичного размещения вывесок, надписей и другой информации на языке национального меньшинства. В районах, где преимущественно проживают лица, принадлежащие к национальным меньшинствам, следует устанавливать указатели с традиционными местными наименованиями, названиями улиц и прочей топографической информацией на языке национального меньшинства.

В сфере образования и изучения языка национального меньшинства также предусмотрен законодательством отдельный комплекс прав, включающий в себя право изучать язык национального меньшинства; помимо изучения официального языка или преподавания на этом языке в районах с преимущественным проживанием лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, такие лица вправе изучать и родной язык национального меньшинства, а также имеют право преподавать на языке национального меньшинства.

Стороны-участницы Конвенции, ратифицируя указанный международный акт, принимают на себя обязательство не препятствовать лицам, принадлежащим к национальным меньшинствам, устанавливать, поддерживать и осуществлять взаимодействие через государственные границы с лицами, с которыми они имеют общую культурную, национальную, языковую и религиозную культуру.

Простые и логичные нормы международного законодательства оказались не столь доступными для применения в юридической практике. Европейский суд по правам человека неоднократно указывал в своих решениях на ошибки правоприменительной практики в трактовке и применении принципа национального языка судопроизводства.

Так в одном из первых дел, рассматриваемых Европейским судом по правам человека, юридическому разрешению подлежал спор о том, будет считаться правомерным отказ представителю национального меньшинства вести судопроизводство на языке представителей национального меньшинства¹. В мотивировочной части судебного решения было указано, что если участник судопроизводства является представителем национального меньшинства, то используемый им не язык не является официальным и общегосударственным, а потому не подлежит применению в рамках судопроизводства. Право представителя национального меньшинства пользоваться родным языком принадлежит только ему и не распространяется на весь установленный порядок судопроизводства.

Небезынтересным представляется рассмотреть решение Европейского Суда, косвенно затрагивающее принцип национального языка судопроизводства и право на пользование родным языком. Так в деле «Лутц против Германии»² (используя также ссылки на дело «Озтюрк против Германии»³) суд постановил: «Первый вопрос, который надо выяснить, отнесен ли в правовой системе государства-ответчика текст, говорящий о данном правонарушении, к уголовному праву; далее определить природу правонарушения и, наконец, характер и степень суровости наказания,

¹ «Isop v[ersus] Austria» / 1962, Application № 808/60. In the Isop case // European Human Rights Report [Bound volumes]: European Law Centre: В 34 т. London: Sweet & Maxwell, 1979 - 2002. Vol. 1. 1979. Application № 808/60.

² Лутц (Lutz) против Федеративной Республики Германии. Решение Европейского Суда по правам человека от 25 августа 1987 г. [Электронный документ] <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/2461415/#ixzz4cpPR26Xy>

³ In the Ozturk case // European Human Rights Report [Bound volumes]: European Law Centre: В 34 т. Vol. 2. 1979. Act № 22.

которое рискует понести заинтересованное лицо, и все это в свете предмета и цели статьи 6 и обычного значения, используемых в ней терминов». Фактически мы можем говорить о том, что юридические гарантии Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод должны распространяться на все процессуальные действия правоохранительных органов государства, выдвигающих против лица обвинение в нарушении им норм права, независимо от характера и степени тяжести последствий совершенного деяния. Следовательно, во всех этих случаях должны учитываться и применяться положения европейского континентального законодательства о защите прав лиц, не владеющих языком судопроизводства страны, от имени которой осуществляется правосудие.

Решение ЕСПЧ по делу «Людке, Белкасем и Коч против Германии»¹, принятое одним из первых по вопросам интересующей нас проблематики, сформулировало и закрепило целый ряд процессуальных гарантий в отношении лиц, не владеющих языком судопроизводства, в процессе осуществления против них процедур правосудия.

Согласно фабуле дела, Г-н Людке, служащий британских вооруженных сил, был признан виновным в нарушении Правил дорожного движения, оштрафован и на него была возложена оплата судебных издержек, включая оплату услуг переводчика. Г-н Белкасем, по национальности алжирец, оказался замешан в драке в ночном клубе Берлина и судом был признан виновным в нападении, повлекшем телесные повреждения; он был приговорен к четырем неделям тюремного заключения, штрафу и оплате судебных издержек, включая расходы на перевод. Г-н Коч, турецкий гражданин, был приговорен судом шеффенов к одному году тюремного заключения за причинение тяжких телесных повреждений.

¹ Людке (Luedicke), Белкасем (Belkasem) и Коч (Koc) против Федеративной Республики Германии. Решение Европейского суда по правам человека от 28 ноября 1978 г. [Электронный документ] <http://base.garant.ru/2561416/#ixzz4cpiseRhww>

В своих жалобах, поданных в Комиссию, г-н Людике, г-н Белкасем и г-н Коч утверждали, что они являются жертвами нарушения положений международной Конвенции, поскольку они не владели в необходимой степени языком страны, а германские суды тем не менее возложили на них оплату расходов на перевод. Г-н Людике, г-н Белкасем утверждали также, что подверглись дискриминации, поскольку будучи иностранцами, не говорящими по-немецки, они оказались в менее благоприятном положении, чем немцы.

В своем решении, относительно возникшей ситуации в сфере нарушения прав человека и гражданина на пользование родным языком, на использование услуг переводчика, Суд указал, что каждый обвиняемый, который не понимает языка, используемого в суде, или не говорит на этом языке, должен получить бесплатную помощь переводчика и не должен платить за возникшие в результате этого судебные расходы. Толкуя положение Конвенции о праве пользоваться бесплатной помощью переводчика суд руководствовался статьями 31 - 33 Венской Конвенции о праве договоров от 23 мая 1969 г. В первую очередь, Суд исходил из того, что термин «бесплатно» в п. 3 «е» статьи 6 имеет сам по себе вполне ясное и определенное значение. Во французском языке выражение «бесплатно» означает «даром, дающееся ни за что, безвозмездно» (*Littre*, *Dictionnaire de la langue {francaise}*), «чем можно пользоваться не платя» (*Hatzfeld et Darmestet ter*, *Dictionnaire {general} de la langue {francaise}*), «даром, без необходимости что-либо платить» в противоположность выражению «за плату» (*Larousse*, *Dictionnaire de la langue {francaise}*), «даром, безвозмездно, не получая ничего взамен» (*Rober*, *Dictionnaire {alphabetique} et analogique de la langue {francaise}*). Также и в английском «бесплатный» означает «без оплаты, даром» (*Shorter Oxford Dictionary*), «ничего не стоящий, даваемый или поставляемый без цены и оплаты» (*Webster's Third New International Dictionary*).

Следовательно, Суд не может придавать термину «бесплатно» значение, не свойственное ему в обоих официальных языках, которыми пользуется Суд: этот термин не обозначает ни освобождение от оплаты на определенных условиях, ни временные льготы по оплате, ни приостановку платежа, а всеобщее и полное освобождение от необходимости платить.

В целях обеспечения справедливого судебного разбирательства в Конвенции перечислены некоторые права, предоставляемые обвиняемому, однако из этого не следует, что от обвиняемого можно требовать оплаты расходов по переводу, после того как он был осужден, поскольку после осуждения он теряет статус обвиняемого. Подобное прочтение положений Конвенции, позволяя внутренним судам возлагать такие расходы на осужденного, равносильно ограничению временных рамок действия статьи и практически означает, что обвиняемый в случае последующего осуждения лишается пользования этим правом. При таком толковании статья 6 п. 3 «е», предусматривающая право обвиняемого пользоваться услугами переводчика, теряет в значительной мере свою эффективность¹. Обвиняемый, который не понимает языка, используемого в суде, или не говорит на нем, оказывается в неблагоприятном положении по сравнению с обвиняемым, который этим языком владеет, – это те самые неблагоприятные условия, которые призвана сгладить статья 6 п. 3 «е».

Более того, нельзя исключить, что обязанность осужденного оплатить расходы по переводу может отрицательно сказаться на его праве на справедливое судебное разбирательство, гарантируемое статьей 6, даже если, переводчик официально назначается для оказания помощи обвиняемому, не владеющему языком суда. Такое назначение устраняет в принципе те серьезные неудобства, которые возникают у осужденного, если бы он защищал себя сам на языке, которым он не владеет или владеет недостаточно хорошо, и это важнее, чем появление дополнительных расходов. Тем не менее, остается риск, что в определенных случаях назначение переводчика

¹ См. Рамочная Конвенция о защите национальных меньшинств

будет зависеть от отношения обвиняемого, на которое в свою очередь будет влиять страх перед возможными финансовыми последствиями.

Право на бесплатную помощь переводчика, которое гарантируется Конвенцией, охватывает не только расходы по переводу во время слушания дела в суде, но должно применяться также и к расходам по переводу обвинения, а также к расходам по переводу сообщения арестованному на понятном ему языке причин ареста предъявленного ему обвинения.

Таким образом, суд, подробно рассматривая и анализируя принцип использования родного языка при участии в судопроизводстве и право на использование бесплатной помощи переводчика указывает, что это право является универсальным, независимо от обстоятельств дела и статуса лица. Лицо не должно нести расходы за оказание переводчиком своих профессиональных услуг даже в том случае, когда лицо теряет статус обвиняемого и подсудимого и становится осужденным. Все расходы по обеспечению участия переводчика в уголовном процессе должны лежать на государстве, осуществляющем правосудие в отношении конкретного лица и нескольких лиц.

Позиция Европейского Суда по правам человека в части, касающейся предоставления услуг переводчика на безвозмездной основе, неоднократно подтверждалась и в иных судебных решениях по делам «Йечус против Латвии», «Скалка против Польши», а также «Сильвестр против Австрии».

В деле от 19 декабря 1989 года «Брозичек против Италии»¹ Европейский Суд рассматривал ситуацию, когда заявителю, немцу по национальности, было предъявлено обвинение в Италии. В результате совершения обвиняемым противоправного деяния он получил от итальянских властей письмо с уведомлением, в котором излагалась суть предъявленного ему обвинения. В ответ на полученное письмо обвиняемый

¹ Справедливое судебное разбирательство в международном праве: юридический сборник // опубликовано Бюро ОБСЕ по демократическим институтам и правам человека (БДИПЧ). – С. 126.

сообщил, что не проживает в Италии и не владеет итальянским языком, в силу чего не смог уяснить сущности предъявляемого ему обвинения. Возникшие языковые препятствия послужили основанием для нарушения права на защиту обвиняемого, поскольку не зная обвинения он не мог осуществить защиту как самостоятельно, так и не смог воспользоваться услугами переводчика и адвоката. Европейский Суд в принятом по результатам рассмотрения дела решении указал, что власти Италии, получив уведомление от лица с просьбой о переводе текста предъявленного ему обвинения на родной немецкий язык, должны были принять меры на удовлетворение указанной просьбы¹. Судом также указано, что перевод должен быть предоставлен в том случае, если власти Италии пришли к выводу, что лицо не владеет достаточным уровнем знания итальянского языка, необходимым для прочтения и понимания сути предъявленного обвинения. В любом случае, бремя доказывания знания/ не знания определенного языка лежит не на самом лице, а на государственных органах, предъявивших обвинение.

Под иным углом зрения трактует вопрос обеспечения вербального перевода в производстве по уголовному делу решение ЕСПЧ по делу «Камасинский против Австрии»², в котором указано, что помощь переводчика должна быть предусмотрена так, чтобы предоставить возможность защищаемому знать содержание возбужденного против него. В основе решения суда лежит положение о том, что каждый обвиняемый имеет право на доступном для него языке устно ознакомиться с материалами досудебного производства, с целью осознанного подхода к судебной стадии судопроизводства. Предъявляются также и требования к устному переводу: он должен достоверный, полный, аутентичный и адекватный. Это требование Европейского Суда имеет под собой основание, предполагающее

¹ In the Brozicek case // European Human Rights Report [Bound volumes]: European Law Centre: B 34 т. Vol. 4. 1990. Act № 167.

² In the Kamasinsky case // European Human Rights Report [Bound volumes]: European Law Centre: B 34 т. Vol. 4. 1990. Act № 168.

возможность гражданина, полностью ознакомленного с существом предъявленного ему обвинения, далее самостоятельно осуществлять свою защиту, не прибегая к помощи адвоката.

Не менее резонансным является решение Европейского Суда по делу «Кассани против Великобритании», в резолютивной части которого указывается, что привлечение к участию в процессе переводчика является самостоятельным процессуальным действием. Решение о назначении переводчика должно быть отражено в материалах уголовного дела, а сама процедура привлечения переводчика должна быть произведена с учетом строго установленных формальных требований закона¹. Подчеркивая формализованность процедуры привлечения переводчика к участию в судебном разбирательстве, суд стремится таким образом не ограничить права обвиняемого/подсудимого на оказание услуг переводчика, а придать самой процедуре легальный характер. Как было видно из ранее представленных решений Европейского Суда, назначение переводчика и его участие в деле является одной из процессуальных гарантий обеспечения справедливого, беспристрастного, объективного правосудия, целью которого является установление истины. Придание этой процедуре жестко детерминированного характера является вынужденной мерой законодателя, а следование этому принципу является необходимым условием осуществления правосудия, опирающегося на принцип легальности и гуманизма.

Особый интерес представляет рассмотрение дела «Лагерблом против Швеции»², в котором судом рассматривается вопрос о возможности осуществления коммуникативного взаимодействия между обвиняемым, не владеющим официальным (государственным) языком судопроизводства и назначенным ему в помощь адвокатом, не владеющим языком своего доверителя.

¹ In the case *Cuscany v United Kingdom* // European Human Rights Report [Bound volumes]: European Law Centre: В 34 т. Vol. 34. 2002. Act № 632.

² In the case of *Lagerblom v Sweden* // European Human Rights Report [Bound volumes]: European Law Centre: В 34 т. Vol. 34. 2002. Act № 657.

Дело было инициировано жалобой, поданной 2 января 1995 г. в Европейскую комиссию по правам человека против Королевства Швеция гражданином Финляндии Антеро Лагербломом (Antero Lagerblom) в соответствии с бывшей статьей 25 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Заявитель, которому в соответствии с решением Европейского суда были компенсированы расходы по оказанию юридической помощи, был представлен И. Салми (I. Salmi), адвокатом, практикующим в г. Готенбурге (Gothenburg). Заявитель утверждает, в частности, что его права, закрепленные статьей 6 Конвенции, были нарушены в ходе судебного разбирательства по уголовному делу в отношении него, поскольку власти государства-ответчика не предоставили ему адвоката, говорящего по-фински.

Суд, рассмотрев обращение заявителя, в мотивировочной части решения подробно изложил свою позицию по делу и сделал ссылки к международным правовым актам в части назначения адвоката. Так, вопрос о предоставлении государственного адвоката рассматривается судом, согласно Кодексу судопроизводства, если поступило соответствующее требование от обвиняемого/подсудимого или если суд сам установит для этого основания. Заявитель имеет определенное влияние при назначении государственного адвоката. Так, лицо, предложенное подозреваемым в качестве адвоката, подлежит назначению, если он или она обладают достаточной компетенцией и их назначение не приведет к значительному увеличению судебных издержек, и если не существует особых причин против данного назначения. Особо важным представляется тот факт, чтобы сам подозреваемый доверял своему адвокату. Лицо, иное, чем предложенное подозреваемым, подлежит назначению только в том случае, если имеют место указанные выше основания. Не существует права на пользование услугами адвоката, говорящем на родном языке подозреваемого, однако, данное может учитываться. Иным образом проблема языка может быть разрешена путем назначения переводчика, чьи услуги оплачиваются государством.

Заявитель жаловался на то, что ему не было позволено пользоваться услугами адвоката, выбранного им самим, с которым он мог бы общаться по-фински и чьи заявления он мог бы понимать полностью. Описывая свой уровень знания шведского языка как «уличный шведский», он утверждал, что мог общаться с Х., адвокатом, назначенным для него государством, только через переводчика и что Х., как следствие, не имел возможности должным образом исполнять свои профессиональные обязанности.

В своем решении суд указал, что Конвенция предоставляет обвиняемому право защищать себя посредством «выбранного им самим» адвоката. Тем не менее, и, несмотря на всю важность наличия доверительных взаимоотношений между адвокатом и его клиентом, указанное право нельзя считать абсолютным. Данное право становится предметом определенных ограничений, когда возникает вопрос о предоставлении бесплатной юридической помощи. Назначая адвоката, судами обязательно должны учитываться пожелания обвиняемого, однако, они могут и не быть приняты во внимание, когда имеют место существенные и достаточные основания для утверждения того, что данное является необходимым для соблюдения интересов правосудия.

Европейский суд указал, что право обвиняемого, не понимающего и не говорящего на языке, на котором ведется судопроизводство, на бесплатную помощь переводчика распространяется на перевод всех тех документов и тех устных заявлений, имеющих место при разбирательстве по уголовному делу, которые необходимы обвиняемому для понимания или перевода на язык судопроизводства с тем, чтобы он извлек пользу из судебного процесса. Предоставляемая помощь переводчика должна быть такой, чтобы обвиняемый был осведомлен о сути дела, возбужденного против него, а также имел возможность защищать себя. Европейский суд допускает, что знание заявителем шведского языка в определенной степени ограничено, несмотря на его длительное проживание в Швеции. Однако отмечая, что сам заявитель описал уровень своего знания языка как «уличный шведский» и

что, следовательно, он владеет языком на определенном уровне, Европейский суд не может признать его настолько беспомощным, чтобы он не мог совсем общаться с Х. и понимать его. Далее Европейский суд отмечает, что перевод с финского на шведский и наоборот был организован как на слушаниях в окружном суде, так и в апелляционном, в ходе слушаний заявитель делал устные заявления на финском языке. Более того, в соответствии с Конвенцией о северных языках он мог делать письменные заявления в оба суда на финском языке, после чего эти заявления переводились и приобщались к материалам дела. В данных обстоятельствах Европейский суд пришел к выводу, что оказанная заявителю помощь переводчика являлась адекватной.

Учитывая изложенное, Европейский суд пришел к выводу, что заявитель имел возможность эффективно участвовать в судебном разбирательстве его дела и, следовательно, производство по его уголовному делу в целом не может считаться несправедливым.

Таким образом, анализируя принятое Европейским Судом решение по делу «Лагерблом против Швеции» обеспечение права подозреваемого (обвиняемого, подсудимого) на пользование услугами адвоката и пользование услугами переводчика, в случае если это лицо не владеет языком судопроизводства, является важными принципами осуществления правосудия и гарантиями справедливого судопроизводства. Однако предоставление обвиняемому/подсудимому адвоката, который бы владел языком своего подзащитного не является обязанностью суда. Назначение адвоката, не говорящего на одном языке со своим подзащитным не является нарушением норм международного законодательства и нарушением лица права на защиту, поскольку привлечение к участию в деле переводчика осуществляется с целью устранения межкультурных и межъязыковых коммуникационных барьеров между адвокатом и подзащитным, а также между последним и органами государственной власти, отправляющими правосудие.

Аналогичную позицию принял Европейский Суд и в решении по делу «Эрдем против Германии»¹, указав, что привлечение к участию в деле государственных адвокатов является обязанностью суда обеспечить подсудимому право на защиту и таким образом создать условия для справедливого судебного разбирательства. Незнание государственным адвокатом национального языка своего подзащитного не является нарушением принципа обеспечения каждому подозреваемому/обвиняемому права на квалифицированную юридическую помощь.

Подводя итог вышеизложенному, можно отметить, что принцип языка судопроизводства нашел свое текстуальное закрепление не только в национальных правовых системах, в том числе и в законодательстве Российской Федерации, но и в практике ЕСПЧ, что подтверждается большим количеством примеров, указанных в данном структурном разделе работы. Западноевропейская модель языка уголовного судопроизводства может быть представлена рядом принципов, выведенных нами на основе анализа решений ЕСПЧ.

В первую очередь, это принцип ведения судопроизводства на государственном или официальном языке соответствующей страны. Возможность использования в рамках уголовного процесса языков национальных меньшинств регламентируются Конвенцией и зависит от национального законодательства или потребностей судебной системы.

Во-вторых, гарантией обеспечения подозреваемым (обвиняемым, подсудимым) права на использование родного языка является введение в судопроизводство процессуальной фигуры переводчика. Основной целью деятельности переводчика становится установление коммуникации между участниками судопроизводства, посредством перевода устной речи и письменных документов на официальный (государственный) язык судопроизводства и родной язык участников процесса.

¹ Erdem v. Germany, no. 38321/97, §, ECHR 2001-VII

В-третьих, основным принципом деятельности назначаемого государством переводчика является безвозмездность оказанных услуг для участников процесса. Все расходы по оплате услуг переводчика берет на себя государство, в юрисдикции которого находится это дело. Также не менее важным является тот факт, что безвозмездный характер оказываемых переводчиком услуг для участников процесса не связан с исходом дела. Вне зависимости от того, будет ли подсудимый осужден или оправдан, бремя обязанности услуг переводчика лежит полностью на государстве.

В-четвертых, деятельность переводчика базируется на гуманистических основах, где переводчик должен проявлять беспристрастность. Составленный им лингвистический перевод не должен удовлетворять интересы какой-либо из сторон процесса, а в полной мере должен способствовать осуществлению справедливого и беспристрастного правосудия.

Нормативно-правовое содержание принципа языка уголовного судопроизводства в российской правовой системе полностью соответствует стандартам европейского и международного законодательства, а, следовательно, для правоприменителя не должно возникать препятствий и трудноразрешимых ситуаций при рассмотрении и разрешении дел.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По результатам детального исследования и анализа принципа языка судопроизводства нами был сделан ряд выводов, имеющих теоретическое и практическое значение.

Принципы уголовного процесса занимают главенствующее положение, представляя собой основные начала, определяющие характер уголовного судопроизводства. Принципам придается более высокая юридическая сила, чем иным уголовно-процессуальным нормам, в результате чего допускается возможность их применять при пробелах в законодательстве, а, следовательно, нормативное закрепление таких положений, именно в качестве принципов уголовного процесса, представляется крайне необходимым.

Принципы уголовного процесса признаются в качестве основных начал как судебного, так и досудебного судопроизводства. Этим принципы уголовного процесса отличаются от общих условий судебного разбирательства.

Ввиду отсутствия законодательного закрепления понятия уголовно-правовых принципов нами было сформулировано следующее понятие: принципы уголовного процесса – общеобязательные фундаментальные положения уголовного процесса, санкционированные государством и закрепленные в тексте УПК РФ в качестве основных начал уголовного процесса, имеющие приоритетное значение в иерархии норм уголовного процессуального права, а также определяющие содержание и сущность, характер и основы уголовно-процессуальной деятельности.

Язык судопроизводства представляет собой одну из важнейших основ организации и деятельности судебной системы Российской Федерации. Посредством тщательного анализа норм Уголовно-процессуального законодательства нами были выявлены следующие признаки принципа языка уголовного судопроизводства: конституционная определенность и

закрепленность в законе; языком уголовного процесса может быть государственный язык или язык республики Российской Федерации.

Анализируя положения российского законодательства, можно сделать вывод об императивно-диспозитивном характере принципа языка судопроизводства. Так в Конституционном и Верховном судах, арбитражных и военных судах при отправлении правосудия используется только государственный язык России, т.е. русский язык. Фактически государственные языки республик имеют ограниченную сферу применения.

Также нами проведено различие между категориями «право пользования родным языком» и «принцип языка судопроизводства». Так, принцип языка судопроизводства регламентирует универсальное, законодательно закрепленное правило об официальном языке, на котором ведется производство по уголовному делу в РФ как в досудебных, так и в судебных стадиях процесса. В отношении права выбирать язык общения в уголовном судопроизводстве следует отметить, что здесь речь идет о процессуальном правовом средстве, с помощью которого участник уголовного судопроизводства реализует свою возможность пользоваться родным или другим языком, которым владеет. Основанием для использования данного права является невладеение или недостаточное владение языком судопроизводства.

Отечественная судебная практика рассматривает как существенное нарушение уголовно-процессуального закона факта совершения какого-либо процессуального действия на одном языке, а фиксирования его результатов на другом (особенно когда оба эти языка могут использоваться в качестве языка судопроизводства). Также судебной практикой выработана позиция, согласно которой, участие на протяжении всего уголовного судопроизводства одного переводчика способствует наиболее полной защите прав и свобод обвиняемого/подсудимого, однако в реальной правоприменительной деятельности суду и органам, рассматривающим дело

на стадиях досудебного производства, не всегда удается сохранить процессуальный статус переводчика за одним лицом.

Одной из основных проблем стадий досудебной и судебного производства является то, что степень владения участником языком судопроизводства определяется непосредственно следователем, дознавателем, прокурором, судом, то есть лицом, не имеющим специального лингвистического или филологического образования. В работе также обозначены критерии установления степени владения лица языком судопроизводства.

Другой проблемой реализации принципа языка судопроизводства является отсутствие высококвалифицированных специалистов в области перевода, особенно это касается перевода с редких языков (в том числе и языков народов РФ) и языков стран СНГ. Решение проблемы в данном случае нам видится в создании специализированных бюро, т.н. судебнопереводческих организаций, которые уже начинают свое развитие в нескольких регионах страны.

Еще одной проблемой принципа языка судопроизводства является вопрос о том, считается ли это правом или обязанностью со стороны государственных органов обеспечить участие переводчика в уголовном процессе по требованию лица. Опираясь на материалы судебно-следственной практики, нами был сделан такой вывод, что обеспечение участия в деле переводчика является обязанностью суда. Если суд придет к выводу, что лицо не владеет языком судопроизводства в достаточной степени, то на нем будет лежать обязанность обеспечить участие в деле переводчика. Если суд придет к выводу, что лицо без затруднений изъясняется на языке судопроизводства, понимает ход процесса, может самостоятельно выступать в рамках судебного заседания и знакомиться с материалами дела, но при этом лицо настаивает на привлечении переводчика, то в данном случае, назначение переводчика является необязательным. Расходы по оплате услуг переводчика лежат на органах судебной власти, поэтому в данном случае

экономический аспект деятельности, при соблюдении всех формальных юридических оснований, играет немаловажную роль.

Приговор должен излагаться в ясных и понятных выражениях. Недопустимо использование в приговоре непринятых сокращений и слов, неприемлемых в официальных документах, а также загромождение приговора описанием обстоятельств, не имеющих отношения к существу рассматриваемого дела».

Принцип языка судопроизводства нашел свое текстуальное закрепление не только в национальных правовых системах, в том числе и в законодательстве Российской Федерации, но и в практике ЕСПЧ, что подтверждается большим количеством примеров, указанных в одном из разделов работы. Западноевропейская модель языка уголовного судопроизводства может быть представлена рядом принципов, выведенных нами на основе анализа решений ЕСПЧ.

В первую очередь, это принцип ведения судопроизводства на государственном или официальном языке соответствующей страны. Возможность использования в рамках уголовного процесса языков национальных меньшинств регламентируются Конвенцией и зависит от национального законодательства или потребностей судебной системы.

Во-вторых, гарантией обеспечения подозреваемым (обвиняемым, подсудимым) права на использование родного языка является введение в судопроизводство процессуальной фигуры переводчика. Основной целью деятельности переводчика становится установление коммуникации между участниками судопроизводства, посредством перевода устной речи и письменных документов на официальный (государственный) язык судопроизводства и родной язык участников процесса.

В-третьих, основным принципом деятельности назначаемого государством переводчика является безвозмездность оказанных услуг для участников процесса. Все расходы по оплате услуг переводчика берет на себя государство, в юрисдикции которого находится это дело. Также не менее

важным является тот факт, что безвозмездный характер оказываемых переводчиком услуг для участников процесса не связан с исходом дела. Вне зависимости от того, будет ли подсудимый осужден или оправдан, бремя обязанности услуг переводчика лежит полностью на государстве.

В-четвертых, деятельность переводчика базируется на гуманистических основах, где переводчик должен проявлять беспристрастность. Составленный им лингвистический перевод не должен удовлетворять интересы какой-либо из сторон процесса, а в полной мере должен способствовать осуществлению справедливого и беспристрастного правосудия.

Нормативно-правовое содержание принципа языка уголовного судопроизводства в российской правовой системе полностью соответствует стандартам европейского и международного законодательства, что свидетельствует о положительной тенденции в сфере гуманизации уголовного процессуального законодательства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Раздел I Нормативные правовые акты

1. Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств (ETS № 148) // [Электронный документ] - <http://docs.cntd.ru/document/190229>
2. Конвенция о защите прав человека и основных свобод ETS № 005 (Рим, 4 ноября 1950 г.) // [Электронный документ] – <http://base.garant.ru/2540800/#ixzz4cESqdV63> (дата обращения: 15 марта 2017 год)
3. Рамочная Конвенция о защите национальных меньшинств (Страсбург, 1 февраля 1995 г.) // [Электронный документ] – <http://constitution.garant.ru/act/right/megdunar/2540487>
4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Собрание законодательства РФ. – 04.08.2014. – № 31. – Ст. 4398.
5. Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 06.01.1997. – № 1. – Ст. 1
6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 24.12.2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.

Раздел II Литература

1. Абдуллаев Н.А. Принцип национального языка производства по делу в советском уголовном процессе: Дис... канд. юрид. наук. Душанбе: Киргизский гос. ун-т, 1970. – С. 56.

2. Винников А.В. Судебно-переводческие организации. [Электронный ресурс] – <http://otkrmir.ru/>
3. Выдря М.М., Иванов В.А., Крылов И.Ф. и др. Рец. на: Курс советского уголовного процесса М.С. Строговича // Правоведение. – 1960. – № 1. – С. 154.
4. Газетдинов Н.И. Принципы уголовного судопроизводства и их система: вопросы теории и практики. Казань, 2009. – С. 199.
5. Гаррис Р. Школа адвокатуры: руководство к ведению гражданских и уголовных дел. – СПб., 1966. – С. 103.
6. Громов Н.А. Понятие принципов уголовного процесса и их система // Следователь. – 2000. – № 8. – С. 25. Лубшев Ю.Ф. Адвокат в уголовном деле: учеб. М., 1999. – С. 157.
7. Добровольская Т.Н. Принципы советского уголовного процесса. М., 1971. – С. 17, 33.
8. Искендеров Р. Справедливость – важное требование к приговору // Советская юстиция. – 1988. – № 7. – С. 15.
9. Кайгородов А.А. Соотношение понятий принципов уголовного процесса и общих условий судебного разбирательства // Вестник Томского государственного университета. – 2011. – № 342. – С. 132.
10. Каракозов С.А. Психологические аспекты выступления адвоката в прениях сторон в суде присяжных // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. – 2009. – № 4. – С. 199.
11. Кузнецов О.Ю. Понятие язык судопроизводства в системе российского процессуального законодательства // Современное право. – 2005. – №4. – С. 48-49.
12. Кузнецов О.Ю. Переводчик в российском уголовном судопроизводстве. Монография, М., 2006. – С. 155.
13. Логунов О.В. Система принципов современного российского уголовного судопроизводства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2004. – С. 7.

14. Ляхов Ю.А. Досудебное производство в ювенальной юстиции России // Вопросы ювенальной юстиции. – 2012. – № 2. – С. 11.
15. Мамаева Р.О. Участие переводчика в уголовном судопроизводстве с участием лиц, имеющих физические недостатки // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. – 2015. – №4. – С. 32.
16. Михайловская И.Б. Цели, функции и принципы российского уголовного судопроизводства (уголовно-процессуальная форма). М., 2003. – С. 114.
17. Рыбинская Е.Т. О понятии принципов уголовного процесса // Известия Иркутской государственной экономической академии. – 2012. – № 6. – С. 109.
18. Полищук Н.И. К вопросу о совершенстве системы стадий уголовного процесса // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2015. – №1. – С. 182.
19. Полянский Н.Н. Вопросы теории советского уголовного процесса / Под ред. Д.С. Карева. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1956. – С. 84.
20. Справедливое судебное разбирательство в международном праве: юридический сборник // опубликовано Бюро ОБСЕ по демократическим институтам и правам человека (БДИПЧ). – С. 126.
21. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. М., 1958. – С. 123.
22. Темкина В.Л., Антонова А.В., Волосова Н.Ю., Волосова М.В. Участие переводчика в уголовном судопроизводстве: лингвистические, правовые и организационные вопросы // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. – 2012. – №2. – С. 188.
23. Ткачева В.Н. Меры пресечения, не связанные с заключением под стражу, в уголовном процессе России. Челябинск, 2004. – С. 60.
24. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. М., 2000. – С. 595.

25. Тыричев И.В. Советский уголовный процесс. М.: Юрид. лит., 1980. – С. 325.
26. Уголовный процесс: Учеб. для вузов / А.В. Гриненко. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2013. С. 69.
27. Щерба С.П. Переводчик в российском уголовном процессе. М., 2010. – С. 30-31.
28. Яковлев М.М., Корякина З.И. Язык национального уголовного судопроизводства // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. – 2014. – № 2. – Т. 11. – С. 106.
29. Якупов Р.Х. Уголовный процесс: учеб. для вузов. М., 1999. – С. 193-195.

Раздел III Постановления высших судебных инстанций и материалы правоприменительной практики

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 1996. – № 2. – С.1.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 июня 2015 г. № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» // СПС Гарант [Электронный ресурс] – <http://base.garant.ru/71108342/> (дата обращения: 30 марта 2017 год)
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 № 55 «О судебном приговоре» // Российская газета. – 7 декабря 2016 год. – № 7145 (277)
4. Лутц (Lutz) против Федеративной Республики Германии. Решение Европейского Суда по правам человека

от 25 августа 1987 г. [Электронный документ] <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/2461415/#ixzz4cpPR26Xy>

5. Людике (Luedicke), Белкасем (Belkasem) и Коч (Koc) против Федеративной Республики Германии. Решение Европейского суда по правам человека от 28 ноября 1978 г. [Электронный документ] <http://base.garant.ru/2561416/#ixzz4cpiseRhw>

6. Апелляционное постановление Саратовского областного суда по делу № 22К-782/2017 от 10.02.2017 [Электронный ресурс] – <https://rospravosudie.com/court-saratovskij-oblastnoj-sud-saratovskaya-oblast-s/act-553315957/> (дата обращения: 15 марта 2017 года)

7. Апелляционное постановление Липецкого областного суда от 21 февраля 2017 года по делу № 22-231/2017 [Электронный ресурс] – <https://rospravosudie.com/court-lipeckij-oblastnoj-sud-lipeckaya-oblast-s/act-553928975/> (дата обращения: 02 апреля 2017 года)

8. Апелляционное постановление Курганского областного суда от 14 марта 2017 года по делу № 22-425/2017 [Электронный ресурс] – <https://rospravosudie.com/court-kurganskij-oblastnoj-sud-kurganskaya-oblast-s/act-554448208/> (дата обращения: 02 апреля 2017 года)

9. Апелляционное постановление Уйского районного суда Челябинской области от 07 марта 2017 года по делу №10-6/2017 [Электронный ресурс] – <https://rospravosudie.com/court-ujskij-rajonnyj-sud-chelyabinskaya-oblast-s/act-554282507/> (дата обращения 02 апреля 2017 год)